

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2021
1(27)

ISSN 2587-9472
Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС 77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 1 (27)' 2021

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте

Заместитель главного редактора:

Алешукина С.А.,

*канд. юрид. наук, доцент кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности
Тверского государственного университета*

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;*

Марченко М.Н., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, Почетный президент Ассоциации юридических вузов, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, проф., председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;*

Чеха В.В., *д-р юрид. наук, руководитель представительства Россотрудничества в Республике Абхазия.*

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА.....	5
<i>Видова Татьяна Александровна</i>	
ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СУПРУГОВ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ	13
<i>Вышковарцев Виталий Владиславович</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОКУРАТУРЫ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ	17
<i>Мильман Илья Александрович</i>	
КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА.....	22
<i>Ордина Ольга Николаевна</i>	
КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ФИНАНСОВОГО ПРАВА	28
<i>Самородов Дмитрий Альбертович</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

РИСКИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ	33
<i>Имамеева Регина Дамировна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ.....	41
<i>Епифанов Олег Станиславович</i>	

Трибуна молодого ученого

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЁНКА.....	48
<i>Матъе Никита Анатольевич</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

LEGITIMIZATION OF THE BUREAUCRATIC APPARATUS OF RUSSIA
IN THE FIRST HALF OF THE XIXTH CENTURY5

Vidova T.A.

ON THE RESPONSIBILITIES OF THE SPOUSES: HISTORICAL AND LEGAL
COMPREHENSION.....13

Vyshkvartsev V.V.

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S
OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROSECUTOR'S OFFICE
OF THE PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC: COMPARATIVE ANALYSIS17

Milman I.A.

THE CONSTITUTION OF RUSSIA AS THE MAIN SOURCE
OF ADMINISTRATIVE LAW22

Ordina O.N.

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION
AS A SOURCE OF FINANCIAL LAW28

Samorodov D.A.

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

THE RISKS OF CREATION AND FUNCTIONING
OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE.....33

Imameeva R.D.

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

RETROSPECTIVE CRIMINAL LIABILITY: APPROACHES
TO UNDERSTANDING41

Yepifanov O.S.

TRIBUNE OF THE YOUNG SCIENTIST

THE PROBLEM OF QUALIFICATION OF MURDER
OF A NEWBORN CHILD BY THE MOTHER.....48

Mat'e N.A.

УДК 342.547

ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЕ ОФОРМЛЕНИЕ БЮРОКРАТИЧЕСКОГО АППАРАТА РОССИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Видова Татьяна Александровна,

канд. ист. наук, доцент,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

В данной статье рассматриваются основные этапы законодательного оформления бюрократического аппарата в России в первой половине XIX века. Цель автора заключается в том, чтобы проанализировать политические мероприятия российской власти, направленные на модернизацию структуры, организации и деятельности чиновничества как на центральном, так и на местном уровнях в указанный период. Данная тема является актуальной в условиях возрастания интереса общества к эффективности функционирования государственного аппарата России и его совершенствованию. Заслуживает внимания исторический опыт власти по организации, регламентации, а также количественному и качественному развитию отечественного чиновничества. В качестве основных результатов автор формулирует сложившиеся на законодательном уровне требования к чиновникам. Делается вывод о том, что к середине XIX века бюрократический аппарат стал одной из главных сил в государстве и обществе России.

Ключевые слова: бюрократический аппарат; российское чиновничество; организация государственной службы; регламентация; делопроизводство; профессиональная квалификация

LEGITIMIZATION OF THE BUREAUCRATIC APPARATUS OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY

Vidova T.A.,

candidate of historical sciences, assistant professor,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

Moscow Witte University, a branch in the city of Ryazan, Ryazan, Russia

This paper discusses the main stages of the legitimization of the bureaucratic apparatus in Russia in the first half of the XIXth century. The author's purpose is to analyze the political measures of the Russian government aimed at modernizing the structure, organization and activities of the bureaucracy at both the central and local levels during this period. This topic is relevant in the context of increasing public interest in the efficiency of the functioning of the state apparatus of Russia and its improvement. The historical experience of the authorities in the organization, regulation, as well as the quantitative and qualitative development of domestic bureaucracy deserves attention. As the main results, the author formulates the requirements for officials that have developed at the legislative level. It is concluded that by the middle of the XIXth century, the bureaucratic apparatus had become one of the main forces in the state and society of Russia.

Keywords: bureaucratic apparatus, Russian bureaucracy, organization of public service, regulation, office work, professional qualification

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-5-12

Введение

Начало XIX века ознаменовалось для Российской империи серьезными изменениями во внутренней политике. Новый император Александр I понимал необходимость реформирования государственной и общественной сферы в России, однако в то же время он отдавал себе отчет в том, что успехи в правительственных преобразованиях напрямую зависят от организации государственной

службы, а также качественного состава российского чиновничества. Вследствие этого, на протяжении первой половины XIX века Александром I, а затем императором Николаем I предпринимались серьезные усилия по законодательному оформлению, регламентации, а также количественному росту и качественному развитию отечественного чиновничества. В итоге к середине XIX века бюрократия сложилась как особая социально-политическая категория.

Данная работа ставит целью провести анализ законодательных документов, направленных на формирование бюрократического аппарата, и выявить результаты их применения.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) осветить основные нормативные документы первой половины XIX века, принятые в отношении чиновничества;
- 2) проанализировать вопросы формирования бюрократии;
- 3) выявить значение указа «об экзамене на чин»;
- 4) проследить рост бюрократического аппарата.

Регламентация деятельности чиновников

Одними из первых мер, проведенных Александром I, были мероприятия в области государственного аппарата. Они были направлены на модернизацию структуры, организации и деятельности чиновничества как на центральном, так и на местном уровнях, и должны были содействовать становлению профессиональной бюрократии.

В 1802 г. была введена министерская система центрального управления, основанная на принципе единоначалия. Переход к министерствам и бюрократизация государственных учреждений представляли собой важный шаг на пути к централизации государственного аппарата и логически требовали модернизации и самой техники управления.

Начало века ознаменовалось реформой делопроизводства и созданием нового государственно-юридического языка. Доклад Министерства внутренних дел Российской империи 1803 г., написанный М.М. Сперанским и поданный В.П. Кочубеем, содержал установку на ясную, сжатую мысль, подчиненную задачам полезности: «Краткость во всех делах есть следствие понятий ясных и определенных. Она есть истинное совершенство во всяком роде дел» и «Изящность формы письмоводства состоит в ясности, приличии и простоте» [1, С. 44]. Новый стиль отказывался от архаизмов и «высокого стиля» в пользу лексики и фразеологии «среднего стиля»; стремился к сокращению объема предложений с точки зрения логики (весь объем документа старого стиля мог уместиться в 1–2 предложения).

В.П. Кочубей выработал рекомендации по «обряду текущих дел», который включал форму письмоводства и порядок течения дел [2, С. 129]. В результате делопроизводственный документ становился «продуктом конвейера, на котором каждый исполнитель мастерил свою деталь и отвечал за ее качество». Это определило эволюцию документа в сторону его формализации и стандартизации, с одной стороны, и, с другой – «все явственней обнаруживало тенденцию к однопредметности, к сужению объема содержания» [2, С. 130–131].

Одной из первостепенных задач, помимо постановки делопроизводства на должный уровень, была его всесторонняя регламентация. В начале XIX века произошел отказ от существовавшего в петровских коллегиях разделения на «канцелярию» и «присутствие», при котором часть чиновников ведет «дело», а другая принимает по нему решение на основании доклада. Характерными чертами нововведений стали максимальная специализация делопроизводства и строгая иерархия в государственном учреждении – каждый исполнитель на определенном уровне становился и распорядителем, отвечавшим за свои действия перед вышестоящей инстанцией.

Результатом деятельности В.П. Кочубея стало, с одной стороны, сокращение переписки и рационализация всего процесса производства документов, с другой – изменение самосознания чиновников канцелярии, которые приобретали частицу власти. Таким образом, с начала XIX века именно канцелярии учреждений зачастую определяли решение задач управления и рассмотрение дел. В наиболее яркой форме это проявилось в деятельности канцелярии генерал-губернатора Рязанской, Тульской, Орловской, Тамбовской и Воронежской губерний А.Д. Балашова (1819–1827 гг.).

Источники формирования бюрократии

Вторым аспектом, получившим особое значение в годы правления Александра I, был вопрос о формировании бюрократии. В этом вопросе проявилось различие подходов относительно производства приказнослужителей и табельных чиновников. В отношении первых руководствовались принципом необходимости. В связи с сохранявшимся повсеместным недостатком канцелярских служителей в Сенат поступало огромное количество представлений, испрашивавших разрешения утвердить в этом звании лиц податного состояния.

Указом 3 декабря 1808 г. на канцелярские должности были допущены лица, состоящие в подушном окладе. К 1816 г. Сенатом были разработаны специальные «Правила, на каких основаниях и какими людьми наполнять канцелярии». Приоритет отдавался лицам «свободного звания», но при недостатке таковых разрешалось принимать на гражданскую службу лиц податного состояния в канцелярское звание повсеместно [3, С. 38]. «Правила» не стали законодательным актом, однако были приняты к руководству. Поступление на гражданскую службу лиц податного состояния продолжалось, и выходцы из низших сословий стали одним из источников формирования низшего звена бюрократии.

Настоятельная потребность учреждений в канцелярских служителях привела к тому, что правительство стало привлекать к государственной службе и детей церковнослужителей. Если первоначально право на поступление в канцелярские служители имели лишь лица духовного звания, окончившие семинарии, то в 1818 г. образовательный ценз был снижен до уровня учеников духовных училищ, не окончивших полный курс наук. В результате переход на государственную службу детей церковнослужителей оставался весьма распространенным явлением.

Закон 1809 г. об экзамене на чин

В вопросе формирования среднего и высшего звеньев чиновнического аппарата правительство заняло более жесткую позицию. Было признано, что исторически сложившаяся потребность русского общества в образовании далеко отстает от государственных нужд. Поэтому ряд мероприятий в этом вопросе ставили целью ускорить становление профессиональной бюрократии. Одной из наиважнейших черт нового типа сановника должна была стать образованность, понимаемая в александровскую эпоху как «богатство и развитость натуры, замечательные достоинства ума и души, которые должны получить достойное себя поприще» [1, С. 45].

6 августа 1809 г. был принят известный указ «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках для производства в коллежские асессоры и статские советники». Указ требовал для управления «исполнителей сведущих, обладающих твердым и отечественным образованием» и связал получение чинов VIII и V классов с наличием университетского образования¹.

Вопреки поставленной цели, закон 1809 г. не смог обеспечить повышение уровня служащих государственного управления. Его широкая программа превращала экзамен из квалификационного свидетельства в демонстрацию широты просвещенности. Закон игнорировал как практику обучения чиновников в ходе службы, так и реальное положение вещей: учебные заведения были немногочисленны, отечественное право не было систематизировано, не существовало системы преподавания российского права в университетах. Непомерно высокая планка для оценки образовательного уровня чиновников отодвигала на задний план профессиональную осведомленность, т.е. основу рационализации бюрократии.

Закон 1809 г. об экзамене на чин вызвал сильное неприятие в чиновной среде. Н.М. Карамзин, активный сторонник развития просвещения, отмечал: «...Отныне никто не должен быть производим ни в статские советники, ни в асессоры без свидетельства о своей учености. Доселе в самых просвещенных государствах требовалось от чиновников только необходимого для их службы знания: науки инженерной – от инженера, законоведения – от судьи и проч. У нас председатель Гражданской палаты обязан знать Гомера и Феокрита, секретарь сенатский – свойство кислорода и всех газов. Вице-губерна-

¹ Закон от 6 августа 1809 г. «О правилах производства в чины по гражданской службе и об испытаниях в науках, для производства в коллежские асессоры и статские советники» // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. – Собр. 1. – Т. 30. – С. 1054. – № 23771.

тор – пифагорову фигуру, надзиратель в доме сумасшедших – римское право, или умрут коллежскими и титулярными советниками. Ни 40-летняя деятельность государственная, ни важные заслуги не освобождают от долга знать вещи, совсем для нас чуждые и бесполезные. Никогда любовь к наукам не производила действия, столь несогласного с их целью!»².

В последующие годы одно за другим для разных категорий чиновников последовали исключения из правила, установленного указом, и спустя два десятилетия сам указ стал едва ли не исключением [4, С. 17]. За время действия указа его результатом стало некоторое увеличение числа чиновников, имевших среднее или высшее образование. Однако, в силу того, что в первой четверти XIX века высшее и среднее образование было достоянием преимущественно дворян, «Закон об экзаменах» стал серьезной преградой на пути разночинцев и выходцев из податного состояния, составлявших низшее звено бюрократии, в среднее чиновничество и дворянство. В результате закона 1809 г. возникло такое понятие, как «вечный титулярный чиновник».

Таким образом, первое десятилетие правления Александра I ознаменовалось серьезными изменениями в функционировании государственного аппарата. Организационная сторона его деятельности определялась принципами министерской реформы 1802 г., основными из которых были ведомственность и единоначалие. С точки зрения техники делопроизводства деятельность чиновников должна была соответствовать рекомендациям В.П. Кочубея и отвечать требованиям краткости, логики и полезности. Наконец, в отношении качественного состава бюрократического аппарата преобладающее внимание стало уделяться не сословному происхождению, а уровню образования чиновника.

Деятельность Николая I по упорядочению бюрократической службы

Преемник Александра I, Николай I, вновь обратил внимание на эту важную сферу внутреннего управления. Причиной стало восстание декабристов 14 декабря 1825 года. Необходимость обеспечить надзор над всеми органами власти и всеми сторонами жизни общества на долгое время определила приоритетные принципы всей деятельности правительства: централизация, усиление единоначалия и бюрократизация.

Николай I твердо верил в то, что через превосходно налаженный бюрократический аппарат и хорошо подобранных, обученных чиновников сможет регулировать жизнь общества. Одним из важных аспектов в его политике являлась четкая регламентация функций государственных учреждений и должностных лиц. В первую очередь, император руководствовался стремлением создать однородную и корпоративную категорию служащих, включавшую как канцелярских служащих, так и классных чиновников, обеспечить их социально-политическую лояльность. Для этого он потребовал усовершенствовать законодательную базу государственной службы и усилить контроль за выполнением законов. В течение всего своего правления император старался следовать позиции, высказанной им 13 декабря 1825 г. статс-секретарю М.А. Балугьянскому: «Я желаю положить в основу государственного строя и управления всю силу и строгость законов»³.

С самого начала правления Николая I стала проводиться подготовительная работа по пересмотру законов, определявших порядок поступления на службу. Император был уверен, что в России избыток чиновников «более, чем требуется для успеха службы», и многие из них «остаются праздными, считаясь для одной формы на службе, шатаясь по гуляньям и в публичных местах» [5, С. 118]. В 1827 г. по его указанию были собраны сведения о численности и составе канцелярских служащих и чиновников из податных состояний, состоявших на службе в Сенате, Синоде и министерствах. В результате «открылось, что много чиновников, бывших в крепостном состоянии камердинерами или лакеями, отпущены были иные бесплатно, другие за выкуп на волю и под начальством бывших господ своих определены были на службу и вышли в чины; другие оставались на службе, будучи под судом и следствием. И вообще в принятии на службу оказались большие злоупотребления» [5, С. 118].

В связи с этим, Николай I поставил одной из основных задач законодательства решение вопроса о поступлении на гражданскую службу лиц податного состояния: «...нужно и не теряя времени положить

² Карамзин, Н.М. Записка о древней и новой России. – Москва, 1991. – С. 68–69.

³ Император Николай Первый. – Москва: Русский мир, 2002. – 752 с. – С. 86.

преграды сему беспрепятственному и от того вредному стремлению людей нижних состояний выходить из оных посредством службы...»⁴.

Уже в мае 1827 г. был рассмотрен проект указа о введении нового порядка для производства низших канцелярских служащих в классные чины, подготовленный лично императором, а 14 октября 1827 г. вышло известное «Положение о канцелярских служащих». Положение 1827 г. однозначно связывало преимущества по службе с сословной принадлежностью. В зависимости от происхождения канцелярские служащие подразделялись на четыре разряда: первый – потомственные дворяне; второй – дети личных дворян, купцов первой гильдии, священников и дьяконов; третий – дети приказных, ученых и художников, не имевших классов; четвертый – купцы второй и третьей гильдий, иностранцы, лица податного состояния⁵.

По Положению о канцелярских служащих 1827 г. запрещалось принимать на должности, которые соответствовали первому классному чину (XIV класс по «Табели о рангах»), лиц, включенных в четвертый разряд. Исключение было сделано для выпускников университетов и других учебных заведений, награждавших чинами⁶. Предусматривалась возможность производства канцелярских служащих в XIV класс: служащих первого разряда – через два года, второго разряда – через четыре года, третьего – через шесть лет и четвертого – через двенадцать лет.

Принятие этого указа положило начало новому направлению политики в области формирования бюрократии, для которого были характерны отказ от всесословности и резкое сужение социальной базы, стремление к унификации и регламентации всех сфер управления и деятельности.

Положение 1827 г. сделало основным источником формирования низшего звена бюрократии канцелярскую среду, которая к этому времени была уже достаточно многочисленной, чтобы решать проблему канцелярских кадров путем самовосполнения. Для закрепления в гражданской службе детей канцелярских служащих и подготовки квалифицированных кадров в ряде губерний были открыты канцелярские училища [3, С. 41]. (В Рязанской губернии училище для детей канцелярских служащих было открыто еще в 1825 г.)⁷

Добиваясь создания относительно однородного слоя бюрократии, зависимого от монарха и действовавшего исключительно в интересах самодержавия, Николай I в то же время стремился исправить недостатки аппарата управления, привести его в соответствие нуждам государства и развитию общества. Показательно, что для реализации своего замысла император поддержал наиболее передовую точку зрения о том, что облик чиновничества можно преобразить лишь путем усовершенствования чиновничьего производства и предоставления служебных преимуществ образованности. А.С. Пушкин еще в 1826 г. в «Записке о народном образовании» предлагал Николаю I «представить чины целию и достоянием просвещения»⁸.

Эта идея получила отражение в «Положении о порядке производства в чины по гражданской службе», принятом 25 июня 1834 г. Положение поставило сроки получения чинов в прямую зависимость от образовательного уровня, разделив всех гражданских служащих на три разряда: 1) окончившие курс наук в высших учебных заведениях; 2) окончившие курс наук в средних учебных заведениях; 3) «не имеющие аттестата ни тех, ни других из означенных учебных заведений»⁹.

Кроме того, Положение вводило два вида чиновничьего производства: «Производство в чины вообще за усердие и похвальное отправление службы, начальством засвидетельствованное» и «За отличия, состоявшие в каких-либо особенных подвигах и делах, на пользу службы совершенных, или доказавшие особенные труды и достоинства чиновника». Исходя из этого, устанавливалось два срока выслуги лет в том или ином чине: общий и за отличие. Чиновники первого разряда могли достичь чина V класса за 24 года (за отличие – через 15 лет), тогда как лица третьего разряда – за 37 лет (при заслугах – за

⁴ Сборник Российского исторического общества (РИО). – Т. 74. – Санкт-Петербург, 1891. – С. 153.

⁵ Именной указ, данный Сенату, от 14 октября 1827 г. «О канцелярских служащих гражданского ведомства» // Полное собрание законов Российской империи. – Собр. 2. – Т. 2. – 1827. – С. 895. – № 1469.

⁶ Архипова Т.Г., Румянцев М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учебное пособие. – Москва, 1999. – С. 104.

⁷ Государственный архив Рязанской области (ГАРО). Ф. 920. Оп. 1. Д. 2673.

⁸ Пушкин, А.С. О народном воспитании // А.С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 17 томах. – Т. 11. – Москва, 1996. – С. 44.

⁹ Полное собрание законов Российской империи. – Т. 9. – № 7224.

26 лет). Таким образом, образованные чиновники продвигались по лестнице «Табели о рангах» в 1,5–2 раза быстрее.

Положение устанавливало прочную тенденцию к накоплению интеллектуально развитых лиц на крупных должностях. В этих условиях образовательный и профессиональный уровень государственного аппарата мог заметно повыситься уже в первые десятилетия после принятия закона.

В 1835 г. было подготовлено «Расписание должностей гражданской службы по классам от XIV до V включительно», которое позволяло более последовательно реализовать один из основных принципов организации государственной службы: примерное соответствие класса должности классу чина служащего. Отмечалось, что по всем ведомствам гражданской службы чиновники «определяются к местам не иначе, как сообразно чину каждого». Вслед за тем в 1836 г. общее «наблюдение за службой всех гражданских чиновников» было возложено на Первое отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, а в 1846 г. при канцелярии был образован особый Инспекторский департамент гражданского ведомства, на который возлагалось «производство... дел по определению и увольнению чиновников от службы, повышению их чинами, утверждению в должности и по другим предметам» [5, С. 120].

Таким образом, чиновничество при Николае I стало основным инструментом правительственной политики по формированию желательного состава бюрократии [6]. Было запрещено поступление на гражданскую службу лицам податного состояния, и с 1827 г. основным источником формирования административных кадров стала канцелярская среда. Наряду с сословной принадлежностью, определяющую роль при поступлении на гражданскую службу стал играть уровень образования будущего чиновника. Все это способствовало становлению профессиональных кадров государственных служащих.

Ответственность чиновников

Пытаясь навести порядок во всех сферах государственного строительства, Николай I не мог обойти вниманием такой важный вопрос, как права, обязанности и ответственность чиновников. Согласно «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» от 15 августа 1845 года, должностное лицо имело право: 1) на закономерное повиновение своим распоряжениям; 2) на уважение, соответствующее его положению как представителю власти. За отказ частного лица выполнять постановления власти ему грозило тюремное заключение до 2 лет. Воспрепятствование должностному лицу исполнять свои обязанности каралось ссылкой в Сибирь. Оскорбление чиновника наказывалось заключением до 6 месяцев¹⁰. Так самодержавие стремилось защитить своих служащих и обеспечить их успешную деятельность.

Государственный служащий имел право на отпуск, своевременную выплату жалованья, столовых и квартирных денег. В Уставе о службе по определению от правительства говорилось: «Наличным чиновникам и канцелярским служителям жалованье и прочие причитающиеся им оклады выдаются в свое время без особенных от них просьб, по собственному распоряжению каждого места и ведомства»¹¹. К числу немаловажных преимуществ государственной службы относилось получение пенсии, которая была установлена в 1827 году. По ведомствам устанавливались разные сроки службы, дававшие право на пенсию, – от двадцати до тридцати лет. Министерством предписывалось «составить подробные ведомости о всех местах и званиях по разрядам пенсий». Разрядов было шесть; наиболее льготным являлся первый. Разряд пенсии определял ее размер относительно «оклада последней должности» (при службе в ней не менее пяти лет). Пенсия высшим чинам устанавливалась персонально. Семьям умерших чиновников назначалось пособие [5, С. 120].

В то же время повышались требования к чиновнику. Устав о службе по определению от правительства так квалифицировал необходимые для российского чиновника черты характера: «1) здравый рассудок; 2) добрая воля в отправлении порученного; 3) человеколюбие; 4) верность в службе его императорского величества; 5) усердие к общему добру; 6) радение о должности; 7) честность, бескорыстие

¹⁰ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. – Москва, 1988. – Т. 6. – С. 242–244.

¹¹ Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С. История государственной службы в России. XVIII–XX века: учебное пособие. – Москва, 1999. – С. 120.

и воздержание от взяток; 8) правый и равный суд всякому состоянию; 9) покровительство невинному и скорбящему».

В Уставе отмечалось, что чиновник должен строить свою работу, имея в виду приумножение богатств страны, ее силы и влияния в мире. Служащие призывались исполнять свои обязанности согласно данной ими присяге «нелицемерно и добросовестно», соблюдать существующие законы, «не позволяя себе ни из вражды, ни из свойства или дружбы, а тем более из корысти или взяток ничего противного долгу присяги, честности и возложенного на них служения»¹².

По «Уложению о наказаниях уголовных и исправительных» к служебным проступкам и преступлениям относились: 1) неисполнение указов и других законных по службе требований; 2) превышение и бездействие власти; 3) преступления в отношении казенного имущества; 4) подлоги по службе; 5) неправосудие; 6) мздоимство и лихоимство; 7) нарушение правил о вступлении в должность и об оставлении должности; 8) нарушение порядка при определении на службу и к должностям и при увольнении с них; 9) нарушение служебной дисциплины; 10) медленность, нерадение и несоблюдение установленного порядка в отправлении должности; 11) преступления и проступки чиновников по некоторым особенным родам службы.

За служебные нарушения и преступления назначались следующие виды наказаний: 1) исключение из службы; 2) отрешение от должности; 3) вычет из времени службы; 4) удаление от должности; 5) перемещение с высшей должности на низшую; 6) выговор с внесением его в послужной список; 7) вычет из жалованья; 8) выговор без внесения в послужной список; 9) замечание. Все эти наказания налагались как по суду, так и в административном порядке.

Если чиновник оказывался виновен в утрате или порче вверенного ему имущества, то был обязан выплатить казне соответствующие убытки. Если же он был причастен к истреблению имущества или уличен в растрате или хищении его, то отрешался от должности с возвращением в казну стоимости всего похищенного и растраченного, либо подлежал заключению в тюрьму¹³.

Закон строго преследовал тех чиновников, которые участвовали в приобретении имущества, продажа коих была им поручена правительством. Чиновники не имели права входить в подряды и участвовать в поставках. Им было запрещено осуществлять такие операции «через своих жен или подставленных лиц». Особой категорией дел в судах были служебные подлоги. За выдачу ложных документов чиновника немедленно отстраняли от должности. За разглашение служебной тайны чиновник подлежал наказанию от выговора до увольнения¹⁴.

Особо жестко закон преследовал взятки. Если чиновник принял от кого-либо подарок за услугу в рамках своей служебной деятельности и в течение трех дней не заявил об этом или не возвратил, то на него налагался штраф, вдвое превышающий цену подарка. Если чиновник получил взятку за действие вопреки его обязанностям по службе, то его ожидала ссылка в Сибирь до 3 лет. За вымогательство чиновнику грозила ссылка на каторжные работы на 6–8 лет¹⁵.

Заключение

Таким образом, в результате деятельности императоров Александра I и Николая I были урегулированы и законодательно оформлены руководящие указания к деятельности чиновников, их права и обязанности, ответственность за служебные проступки и преступления. Это должно было служить усилению контроля над чиновничеством, сокращению должностных злоупотреблений и нарушений, повышению доверия населения к работе бюрократического аппарата.

В итоге к середине XIX века произошла значительная реорганизация государственной системы внутреннего управления, в результате чего бюрократический аппарат на долгие годы стал одной из наиболее влиятельных сил в жизни государства и общества.

¹² *Архипова Т.Г., Румянцева М.Ф., Сенин А.С.* История государственной службы в России. XVIII–XX века: учебное пособие. – Москва, 1999. – С. 128.

¹³ Российское законодательство X–XX веков: в 9 томах. – Москва, 1988. – Т. 6. – С. 270–271.

¹⁴ Там же. – С. 273.

¹⁵ Там же. – С. 276–278.

Список литературы

1. Федосов И.А., Долгих Е.В. Российский абсолютизм и бюрократия // Очерки русской культуры XIX века. – Т. 2. Власть и культура. – Москва, 2000.
2. Литвак, Б.Г. Очерки источниковедения массовой документации XIX–начала XX вв.: монография. – Москва, 1979.
3. Писарькова, Л.Ф. От Петра I до Николая I: Политика правительства в области формирования бюрократии // Отечественная история. – 1996. – № 4.
4. Шевченко, М.М. Правительство, народное образование и государственная служба накануне Великих реформ (1849–1856) // Россия и реформы. – Москва, 1993. – Выпуск 2.
5. Шепелев, Л.Е. Чиновный мир России: XVIII–начало XX вв.: монография / Л.Е. Шепелев. – Санкт-Петербург, 1999.
6. Давыденко, Е.А. Основные этапы становления и перспективы развития российской бюрократии // Философия, социология и культурология. – 2008. – № 2 (7).

References

1. Fedosov I.A., Dolgih E.V. Rossijskij absolyutizm i byurokратиya // Ocherki russkoj kul'tury XIX veka. – Т. 2. Vlast' i kul'tura. – Moskva, 2000.
2. Litvak, B.G. Ocherki istochnikovedeniya massovoj dokumentacii XIX–nachala XX vv.: monografiya. – Moskva, 1979.
3. Pисar'kova, L.F. Ot Petra I do Nikolaya I: Politika pravitel'stva v oblasti formirovaniya byurokratii // Otechestvennaya istoriya. – 1996. – № 4.
4. Shevchenko, M.M. Pravitel'stvo, narodnoe obrazovanie i gosudarstvennaya sluzhba nakanune Velikih reform (1849–1856) // Rossiya i reformy. – Moskva, 1993. – Vypusk 2.
5. Shepelev, L.E. Chinovnyj mir Rossii: XVIII–nachalo XX vv.: monografiya / L.E. Shepelev. – Sankt-Peterburg, 1999.
6. Davydenko, E.A. Osnovnye etapy stanovleniya i perspektivy razvitiya rossijskoj byurokratii // Filosofiya, sociologiya i kul'turologiya. – 2008. – № 2 (7).

УДК 347.625

ОБ ОБЯЗАННОСТЯХ СУПРУГОВ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЕ ПРОЧТЕНИЕ

Вышкварцев Виталий Владиславович,

канд. юрид. наук,

e-mail: info@vyshkvartsev.ru,

Российская Академия Естествознания, Москва, Россия

Рассматривается современный подход к институтам брака и семьи в контексте исторического и сравнительно-правового анализа законодательных актов, а также догматических норм церковного права. Придается существенное внимание обязанностям супругов, как нравственным и правовым регуляторам семейных отношений. Исходя из традиционных смыслов и ценностей брака, предлагается последовательная этизация семейного законодательства России, что позволит избежать неолиберальные тенденции, существенно затрудняющие развитие современной семейной политики.

Ключевые слова: брак; кодексы; нравственность; обязанности супругов; семья; супружество; церковное право

ON THE RESPONSIBILITIES OF THE SPOUSES: HISTORICAL AND LEGAL COMPREHENSION

Vyshkvartsev V.V.,

Candidate of legal sciences,

e-mail: info@vyshkvartsev.ru,

Russian Academy of Natural Sciences, Moscow, Russia

The modern approach to the institutions of marriage and family is considered in the context of historical and comparative legal analysis of legislative acts, as well as dogmatic norms of church law. Considerable attention is paid to the responsibilities of spouses as moral and legal regulators of family relations. Based on the traditional meanings and values of marriage, a consistent ethization of the family legislation of Russia is proposed, which will allow avoiding neoliberal tendencies that significantly hamper the development of modern family policy.

Keywords: Marriage, codes, morality, duties of the spouses, family, matrimony, ecclesiastical law

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-13-16

Защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей провозглашены в Основном Законе России в структуре единой социально ориентированной государственной политики. Значение брачного союза как благодати Божьей состоит в обогащении мужчины и женщины, от которых «должно родиться нечто высшее, соединив все доброе и великое, что есть в каждом из них»¹ – говорил Святитель Лука Крымский, обращаясь к словам Апостола Павла: «Оставит человек отца своего и мать и прилепится к жене своей, и будут два в плоть едину. Тайна сия велика есть: аз же глаголю во Христа и во Церковь» (Еф. 5, 31–32).

Российское законодательство реципировало данные постулаты, и в части 1 статьи 1 Семейного кодекса Российской Федерации мы находим их закрепление. Отметим, что, невзирая на духовный этический приоритет семейной политики («через любовь, которая есть Бог, человек спасается. Семья – это школа любви, а значит – школа спасения»²), законодатель определил и её формально-юридический характер в контексте судебной защиты прав членами семьи и обеспечения этих прав. В статье 1 Семейного кодекса Российской Федерации, фактически являющейся его преамбулой, не сказано об обязан-

¹ Святитель Лука Крымский (Войно-Ясенецкий). О семье и воспитании детей. Б/д., б/м. – С. 5–6.

² Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл. Диалог с историей (сборник). Б/м. 2019. – С. 78.

ностях супругов, а ведь именно обязанности сопряжены с правами мужчины и женщины на создание семьи и ее развитие в будущем. Долг предваряет правомочия. Не говорится и об обязанностях супругов в семейных кодексах ряда славянских государств (Болгарии, Республики Сербия и др.). Иной точки зрения придерживается белорусский законодатель: в Кодексе Республики Беларусь от 09.07.1999 года № 278-З «О браке и семье»³ в ряде задач законодательства о браке и семье указывается установление прав и обязанностей супругов, родителей и других членов семьи в соответствии с положениями Конституции Республики Беларусь, нормами международного права.

В Послании к Ефесянам Апостол Павел говорил: «Мужья, любите своих жён, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее» (Еф. 5.25). <...> Супруги (муж и жена) обязаны всю жизнь хранить взаимную любовь и уважение, взаимную преданность и верность»⁴. Эти догмы легли в основу норм о нравственно-обязательственных отношениях супругов, закрепленных в Своде Законов Российской Империи. Рецепция данных норм наблюдалась и при составлении Гражданского и торгового Уложения Княжества Сербии 1844 и 1860 гг. В обязанности жены согласно статье 110 Уложения дополнительно включались помощь в приобретении и сохранении имущества, обеспечение порядка и чистоты в доме, забота о детях, содержание и сохранение их в чистоте и благонравии⁵.

Обращение к более ранним памятникам церковного права, например, к Уставу Князя Ярослава Владимировича о церковных судах и к Уставу Святого Великого Князя Владимира о церковных судах и о десятинах позволит увидеть, что обязанности супругов (мужа и жены) формировались исходя из предусмотренных составов наказуемых деяний (обид). Так, в частности, из недопустимости роспусков (разводов между супругами), смильное (внебрачных связей), заставания (нарушения супружеской верности), оставления мужем жены и женой мужа следует обязанность супругов сохранять свой брак, обязанность супругов быть преданными друг другу и сохранять взаимную верность, обязанность постоянного совместного проживания под угрозой соответствующих наказаний⁶.

Наконец, нельзя обойти вниманием главу 50 Кормчей Книги – этот обширный источник канонического права, в котором его составители записали статью «О тайне супружества». Как нам видится, в этой статье проложен долгий многовековой путь к нравственному идеалу семьи: «Брак или супружество есть установленное от Бога таинство, в котором мужчина и женщина вступают, по собственному их изволению, открыто выраженному пред священником и церковью, в нерасторжимый союз любви и дружбы для взаимной помощи, для избежания неправильностей в жизни и для рождения и воспитания детей к славе Божьей» [1, С. 304].

Итак, насколько отчётлива симфония семейных обязанностей, состоящая из нот духовно-нравственного величия на партитуре любви. Как легко ощущается мудрость Господа нашего, дающего возможность людям соединяться в брачные союзы, чтить Его учения и облекать их в форму даже законодательную. Согласимся с мнением современного авторитетного учёного С.Н. Бабурина о том, что «религиозные принципы должны обрести статус правовых норм, а сами духовно-нравственные ценности должны стать правовыми категориями» [2, С. 183]. В истории всегда приятно открывать ключом правды дверцы знаний, в которых таятся глубокие смыслы и великие эпохи. Правовая мысль знает ранее неизведанные источники, в которых нормы нравственности занимали едва не ведущую роль в регулировании правоотношений. Так, в Декларации Обязанностей, составленной Анри Шантавуаном, впоследствии вошедшей в текст Конституция Франции III года, принятой Национальным конвентом 22 августа 1795 года, говорилось: «Всякий отец семейства, <...> который не обращает внимания на воспитание и на будущность своих детей, не должен иметь права считаться гражданином, принимать участие в делах городских и общественных, так как он сам не выполнил своей главной обязанности» [3, С. 3–4, 32].

Ценностное ориентирование должно приводить к пониманию семьи как соборности, а не к модели «гостиничного номера», где его постояльцы ежедневно собираются на ночлег, а на следующий

³ URL: http://continent-online.com/Document/?doc_id=30414964#pos=5;-140 (дата обращения: 07.05.2021 г.).

⁴ Закон Божий / составитель прот. Серафим Слободской. – Киев, 2009. – С. 569.

⁵ Гражданское и торговое Уложение Княжества Сербии 1844 и 1860 года. – Санкт-Петербург, 1857. – С. 31.

⁶ См.: Устав Святого Великого Князя Владимира о церковных судах и о десятинах. – Петроград, 1915. – С. 69–70; Устав Князя Ярослава Владимировича / Памятники русского права. Выпуск первый. – Москва, 1952. – С. 259–262.

день каждый из них уходит по своим делам. А какие последствия влечет за собой такое «гостиничное партнёрство» – это ставшая традиционной в западной системе ценностей идея «свободной любви без обязательств», воплощение которой не позволяет создать семью *per se* как таковую, а в отдельных случаях оставляет в неравном положении одного из партнёров и их детей (в случае рождения). Верно отметил русский философ и правовед Б.Н. Чичерин, что брачный союз существенно отличается от простого сожительства, которое «основано всецело на воле сторон: люди сходятся и расходятся по минутной прихоти»⁷. Такому положению вещей сложно удивиться, ведь уже на протяжении более чем 100 лет российское законодательство продолжает «традицию» советских декретов и кодексов о браке и семье, в которых определялось, что перемена места жительства одним из супругов не создаёт для другого супруга обязанности следовать за ним. Практически в неизменном виде эта норма отражена в части 1 статьи 31 Семейного кодекса Российской Федерации. После исторических событий 1917 года перед советским руководством стояла задача «раскрепощения женщины для ее фактического и полного освобождения от «домашнего рабства», для ее действительного равенства с мужчиной, для перехода от мелкого домашнего хозяйства к крупному общественному» [4, С. 179], а сегодня это классическая не-либеральная концепция свободы для себя и от чьего-либо мнения, даже мнения своего супруга и (или) детей. Что же молчит современный законодатель, если в части 2 статьи 67.1 Конституции Российской Федерации провозглашается, что государство, объединенное тысячелетней историей, сохраняет преемственность в своем развитии, а семейное законодательство по-прежнему сохраняет преемственность советских кодексов о браке и семье. Насколько разумно решать вопросы семейной жизни в случае раздельного проживания супругов (кроме случаев, вызванных причинами уважительного характера), насколько нравственно, когда один супруг свободен в выборе своего рода занятий и профессии (без согласования со вторым супругом), понимая, что материальное благосостояние семьи – это один из механизмов её жизни и развития в будущем. В итоге усматривается, что так называемые «свободы», закрепленные в части 1 статьи 31 Семейного кодекса Российской Федерации, фактически нивелируют аксиологическую сущность и значение положений частей 2 и 3 данной статьи.

Вступление в брак – это серьезный культурно-нравственный поступок, требующий всемерного чувства любви и добрых помыслов. Соединиться в семью мужчине и женщине означает поступиться своими субъективными прихотями и принципами, следуя к идеалу благочестия, чтобы и дети были благочестивыми, совершая в дальнейшем только праведные поступки. Возможно, наступит время, когда желание мужчины и женщины вступить в брачный союз будет в обязательном порядке предваряться духовно-нравственным просвещением и соответствующей подготовкой, беседами со специалистами в области психологии, юриспруденции, социологии. Это позволит избежать создания искусственных, мнимых брачных союзов, созданных не только по неразумению и заблуждению людей, но и по корыстному умыслу – «браки по расчету», «браки для статуса», преследующие исключительно безнравственные цели. Кроме того, брак надлежит понимать как соработничество для общего блага, как олицетворение Божьего промысла. Семья не подлежит измерению никакими материальными ценностями и выгодой. Именно поэтому, когда человек научится понимать нравственную сущность семейного союза, основанную на должностовании, пройдя путь «испытания знаниями», станут невостребованными такие институты регулирования имущественных правоотношений как брачный договор, который и сегодня несёт в себе разрушительные свойства для людей, не только состоящих в браке, но и готовящихся к нему, априори закладывая мотивы сомнения и недоверия между супругами (будущими супругами).

Современное российское семейное законодательство требует последовательной и поступательной этизации и имплементации в него более широкого «каталога обязанностей» супругов, опираясь на источники русского права (церковного права) и теологические источники. Это позволит постепенно освободить Семейный кодекс Российской Федерации от неолиберальных тенденций, существенно затрудняющих развитие исконно русской семейной традиции, семейной политики, борющейся против «вульгарного позитивизма» и идеологических ярлыков.

⁷ Чичерин, Б.Н. Философия права. – Москва, 2011. – С. 239.

Список литературы

1. *Горчаков, М.И.* О тайне супружества. Происхождение, историко-юридическое значение и каноническое достоинство 50-й (по спискам Патриарха Иосифа и Никона 51-й) главы печатной Кормчей Книги. Исследование по истории русского церковного права. – Санкт-Петербург, 1880. – 384 с.
2. *Бабурин, С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – Москва, 2020. – 536 с.
3. *Шантавуан, А.* Принципы 1789 г. – Санкт-Петербург, 1907. – 91 с.
4. *Вольфсон, С.Я.* Семья и брак в их историческом развитии. – Москва, 1937. – 245 с.

References

1. *Gorchakov, M.I.* O tajne supruzhestva. Proiskhozhdenie, istoriko-yuridicheskoe znachenie i kanonicheskoe dostoinstvo 50-j (po spiskam Patriar-ha Iosifa i Nikona 51-j) glavy pechatnoj Kormchej Knigi. Issledovanie po istorii russkogo cerkovnogo prava. – Sankt-Peterburg, 1880. – 384 s.
2. *Baburin, S.N.* Nravstvennoe gosudarstvo. Russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma. – Moskva, 2020. – 536 s.
3. *Shantavuan, A.* Principy 1789 g. – Sankt-Peterburg, 1907. – 91 s.
4. *Vol'fson, S.Ya.* Sem'ya i brak v ih istoricheskom razvitii. – Moskva, 1937. – 245 s.

УДК 342.5

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ПРОКУРАТУРЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРОКУРАТУРЫ ПРИДНЕСТРОВСКОЙ МОЛДАВСКОЙ РЕСПУБЛИКИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Мильман Илья Александрович,
канд. юрид. наук,
Приднестровская Молдавская Республика

Российская Федерация, одна из мировых держав, и Приднестровская Молдавская Республика, непризнанное государство, в своих Конституциях позиционируют себя как правовые. Такая конституционная норма скорее определяет цель, но не констатацию уровня развития присущих правовому государству институтов. Ст. 2 Конституции РФ и ст. 16 Конституции ПМР, возлагающие на государство обязанность защиты прав и свобод человека и гражданина, имеют прямое действие, как и нормы п. 1 ст. 45 Конституции РФ и ст. 45 Конституции ПМР, закрепляющие государственные гарантии исполнения этих обязанностей. В механизме реализации этих гарантий задействованы в той или иной степени все звенья государственного механизма, но особое место занимает институт прокуратуры. В статье дается сравнительная характеристика конституционного статуса прокуратуры в РФ и ПМР.

Ключевые слова: конституция; прокуратура; правовое государство; непризнанное государство; органы власти; система разделения властей

CONSTITUTIONAL AND LEGAL STATUS OF THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE PROSECUTOR'S OFFICE OF THE PRIDNESTROVIAN MOLDAVIAN REPUBLIC: COMPARATIVE ANALYSIS

Milman I.A.,
Candidate of Legal Sciences,
Pridnestrovian Moldavian Republic

The Russian Federation, one of the world powers, and the Pridnestrovian Moldavian Republic, an unrecognized state, in their Constitutions positioned themselves as legal. Such a constitutional norm rather defines the purpose, but not the statement of the development level of the institutions inherent in the rule of law. Article 2 of the Constitution of the Russian Federation and Article 16 of the Constitution of the PMR, which impose on the state the obligation to protect human and civil rights and freedoms, have a direct effect, as do the norms of paragraph 1 of Article 45 of the Constitution of the Russian Federation and Article 45 of the Constitution of the PMR, which enshrine state guarantees for the performance of these duties. To varying degrees, all links of the state mechanism are involved in the mechanism of implementation of these guarantees, but the institute of the Prosecutor's Office occupies a special place. A comparative characteristic of the constitutional status of the Prosecutor's office in the Russian Federation and the PMR is given.

Keywords: constitution, prosecutor's office, rule of law, unrecognized state, authorities, the system of separation of powers

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-17-21

Практически во всех государствах, которые мы привычно относим к правовым (например,ци-тадель демократии – США, скандинавские страны, Сингапур с его минимальным уровнем коррупции и т.д.), функционируют органы прокуратуры, являющиеся важнейшим государственным правозащитным механизмом. Для них в правовых государствах характерно организационное и функциональное многообразие. Идеальных моделей в мире просто не существует. Но для прокуратур всех государств именно правозащитная функция выступает в качестве основной. Не являются в этом отношении исключением как прокуратура Российской Федерации, так и прокуратура ПМР.

Основы конституционно-правового статуса прокуратуры Российской Федерации закреплены в ст. 129 Конституции Российской Федерации, подвергшейся определённым изменениям в связи с принятием Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» и Федеральным законом от 9 ноября 2020 года № 367-ФЗ. При этом определённый перечень полномочий в гл. 7 Конституции Российской Федерации закреплён лишь в отношении судебных органов – Конституционного Суда Российской Федерации, Верховного Суда Российской Федерации. Судья Верховного Суда РФ Кондратов П.Е. в комментарии к ст. 129 Конституции Российской Федерации отмечает, что нахождение статьи о прокуратуре в гл. 7 «Судебная власть» скорее результат не осуществившейся при подготовке проекта Конституции РФ попытки свести роль прокуратуры к осуществлению уголовного преследования, нежели свидетельство ее включения в систему судебной власти. Между тем, отсутствие в Конституции Российской Федерации закрепления вопросов функционального назначения прокуратуры может привести к появлению правовых норм, альтернативных или противоречащих закреплённым в Федеральном законе от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». С сожалением можно констатировать, что эти вопросы не нашли отражения и в ст. 92 Конституции ПМР. Не нашли в ней, в отличие от ст. 129 Конституции РФ, своего закрепления и вопросы назначения и освобождения от должности прокуроров всех уровней. При этом считаю, что вопросы места прокуратуры в Конституции ПМР разрешены более корректно, нежели в Конституции РФ. Ст. 92 вынесена в отдельную главу 6 «Надзор за точным и единообразным исполнением Конституции и законов Приднестровской Молдавской Республики». Она в этой главе единственная.

На статус, на практическое решение функциональных задач, стоящих перед любым государственным органом, не может не влиять участие (и форма участия) в законотворческом процессе, начальной стадией которого является законодательная инициатива – от разработки законопроекта до его внесения в парламент. П.В. Крашенинников, председатель Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, в статье, посвященной 25-летию Государственной Думы Федерального Собрания РФ отметил, имея в виду ч. 1 ст. 104 Конституции РФ, что «если произвести простое арифметическое действие в виде сложения всех указанных в данной норме субъектов, то получается, что в нашем государстве 727 субъектов права законодательной инициативы. Представляется, что это достаточно много. По количеству субъектов данного права Россия находится в ряду мировых лидеров». Но среди этой «могучей кучки» не нашлось место Генеральному прокурору РФ. При этом органы прокуратуры, осуществляющие всеобъемлющий, системный и постоянный надзор за исполнением законов, обладающие реальной, аргументированной информацией, лишены возможности непосредственного инициирования насущных изменений в законодательство. Прокурор имеет право вносить в представительный орган и в тот орган, который наделён правом законодательной инициативы, предложения о принятии законов, их изменении, отмене, дополнении. Но для субъекта законодательной инициативы, к которому он обратился, эти предложения не имеют особого правового режима рассмотрения.

В отличие от ст. 104 Конституции РФ, Конституция ПМР (ч. 1 ст. 72) изначально право законодательной инициативы предоставило прокурору ПМР, наряду с президентом, правительством и т.п.

Отсутствие такого права у Генерального прокурора РФ можно рассматривать как существенный недостаток, в определенной мере препятствующий полноценной реализации прокуратурой задачи единства и укрепления законности, а также ее возможности максимально эффективно и оперативно влиять на устранение пробелов и недостатков в законодательстве.

Для определения статуса прокуратуры важно ее положение по отношению к высшим органам государственной власти.

До принятия изменений в Конституцию РФ, внесенных на общероссийском голосовании 2020 года, можно было говорить об определенной подотчетности и подведомственности ее Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Ч. 2 ст. 129 Конституции РФ гласила: «Генеральный прокурор Российской Федерации назначается на должность и освобождается от должности Советом Федерации по представлению Президента Российской Федерации». Аналогично решался вопрос о назначении на должность и освобождении от должности заместителей Генерального прокурора РФ. Ст. 7 Конституции РФ устанавливала, что Генеральный прокурор Российской Федерации ежегодно представляет палатам Федерального Собрания Российской Федерации и Президенту Российской Федерации доклад о состоянии законности и правопорядка в Российской Федерации и о проделанной работе по их укреплению.

При этом Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации указанный доклад Генеральный прокурор Российской Федерации представляет лично на заседании палаты.

Этим полномочия главы государства в отношении прокуратуры и были ограничены. Да, ему принадлежало право представлять Совету Федерации Федерального Собрания Российской Федерации кандидатуру для назначения на должность Генерального прокурора Российской Федерации и его заместителей, он также обладал правом входить в Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации с предложением об освобождении от должности генерального прокурора и его заместителей (п. «е» ст. 83 Конституции РФ), но принятие решений по этим кадровым вопросам в обоих случаях оставалось за Советом Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Такая юридическая конструкция позволяла участвовать в формировании руководства Генеральной прокуратуры РФ как Президенту РФ, так и Федеральному Собранию – парламенту Российской Федерации в лице одной из его палат – Совета Федерации. Эта позиция в полной мере соответствовала принципу разделения властей и формально обозначала определенную равноудаленность органов прокуратуры от президента и от парламента. Но, видимо, проблема 1999–2000 гг. с отстранением, а затем освобождением от должности Генерального прокурора Ю.И. Скуратова была прочно усвоена Администрацией Президента РФ.

В новой редакции ст. 129 Конституции РФ изменён порядок назначения Генерального прокурора РФ, его заместителей и иных руководителей органов прокуратуры. Генеральный прокурор, заместители Генерального прокурора, прокуроры субъектов Федерации и приравненные к ним прокуроры назначаются на должность после консультаций с Советом Федерации ФС РФ и освобождаются от должности Президентом РФ. Итоги консультаций с Советом Федерации ФС РФ при таких условиях не будут иметь обязательной юридической силы: сенаторы не смогут заблокировать какое-либо назначение. Поэтому в данном вопросе прерогатива палаты имеет сугубо формальный характер.

Иные прокуроры могут назначаться на должность и освобождаться от должности Президентом РФ, если такой порядок установлен федеральным законом, или генеральным прокурором (ч. 3–6 ст. 129 Конституции РФ).

Если назначение Президентом РФ прокуроров субъектов РФ без согласования с органами власти этих субъектов можно рассматривать как явление позитивное, укрепляющее независимость от влияния региональных элит, то Генеральный прокурор РФ и его заместители зависят от Президента РФ полностью как при назначении на должность, так и при увольнении с нее, и это отдаляет прокуратуру от того уровня независимости, который декларируется и который хочет видеть общество. Кстати, стиль выступлений Президента РФ на коллегии генпрокуратуры подчеркивает эту зависимость. (Дача поручений, указания по рассмотрению дел по экономическим преступлениям, избрание меры пресечения и т.п.)

В ПМР ст. 70 п. «и» Конституции ПМР закреплён порядок назначения на должность и освобождения от должности Прокурора ПМР Верховным Советом ПМР по представлению Президента ПМР, что само по себе уже дает прокурору определенную гарантию независимости.

Прокурор представляет Верховному Совету не позднее чем через полтора месяца после начала нового года ежегодный доклад (информацию) о состоянии законности и правопорядка в Приднестровской Молдавской Республике, а также о проделанной работе по их укреплению.

Обсуждение правового статуса прокуратуры, которая являлась независимым органом и подчинялась только главе государства, на государственном уровне началось в Приднестровской Молдавской Республике в 2003 году. Тогда, в ответ на запрос Президента ПМР, Конституционный суд ПМР дал толкование статьи 6 Основного закона Приднестровья, провозглашающей принцип разделения властей, и

вынес решение о том, что прокуратура не относится ни к одной из трех ветвей и не может осуществлять их властные функции.

Затем к этому вопросу вновь вернулись уже в 2005 г. В Постановлении от 27 апреля 2005 года Конституционный суд пришел к выводу: поскольку Прокуратура ПМР не входит в систему органов государственной власти ПМР, она не может осуществлять функции органов законодательной, исполнительной либо судебной власти. При этом суд установил, что, поддерживая государственное обвинение в судах и проводя предварительное следствие, прокуратура, не причисленная ни к одной из ветвей власти, выполняет тем самым функции исполнительных органов власти. Суд признал, что недопустимо наделение Прокуратуры ПМР какими-либо властными полномочиями. Более половины статей Конституционного закона «О Прокуратуре ПМР» были признаны не соответствующими Конституции ПМР.

Исходя из этого акта, в 2005 году Президент ПМР своим указом отнес прокуратуру к системе исполнительных органов власти. Свою ранее обозначенную позицию Конституционный суд подтвердил и в решении от 6 сентября 2012 года. «Поскольку в соответствии с действующей редакцией Конституции Приднестровской Молдавской Республики (глава 6) прокуратура не отнесена ни к одной из ветвей государственной власти, правовая позиция Конституционного суда остается неизменной и сохраняет свою силу», – сказано в Определении Конституционного суда ПМР.

При определении места прокуратуры в системе органов государственной власти мы часто абсолютизируем точку зрения Монтескье на разделение властей без учета конкретной исторической обстановки, в которой она формировалась. Вряд ли во Франции XVIII века даже гений Монтескье мог предположить появление новых государственных институтов типа Уполномоченного по правам человека, Президента и т.п. Разделение властей, безусловно, важнейший принцип демократии, но количественные параметры ветвей власти, магическая цифра «3» сегодня явно неприемлемы.

В 2018 году в Конституцию ПМР была внесена статья 51-1 следующего содержания:

«1. Государственную власть в Приднестровской Молдавской Республике осуществляют Президент Приднестровской Молдавской Республики, Верховный Совет Приднестровской Молдавской Республики, Правительство Приднестровской Молдавской Республики, суды Приднестровской Молдавской Республики.

2. Прокуратура Приднестровской Молдавской Республики, Центральная избирательная комиссия Приднестровской Молдавской Республики, Счетная палата Приднестровской Молдавской Республики, Уполномоченный по правам человека в Приднестровской Молдавской Республике осуществляют государственно-властные полномочия, предоставленные им настоящей Конституцией и законом». В условиях, когда внесение изменений в ст. 6 Конституции ПМР (ст. 10 Конституции РФ) возможно только через референдум, что крайне сложно, а потому – маловероятно, эта статья усиливает легитимность надзорных полномочий прокуратуры и ее независимость от ветвей государственной власти, обозначенных в данной статье.

Незадолго до этого Конституционный суд ПМР отменил свое определение, вынесенное в 2003 году, по толкованию ст. 6 Конституции ПМР.

Статус Прокуратуры ПМР изначально был закреплен на уровне Конституционного закона ПМР «О прокуратуре Приднестровской Молдавской Республики», в то время как деятельность Прокуратуры РФ определяется Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации». Такое решение вопроса статуса представляется логичным и обоснованным. Осуществляя закрепленные за ней Конституцией РФ полномочия практически всеобъемлющего надзора, Прокуратура РФ должна иметь статус, закрепленный законодательно в этом основном законе государства.

Для правильного понимания сходства и различия конституционно-правового статуса Прокуратуры РФ и Прокуратуры ПМР, следует учитывать сложившиеся исторические и политические реалии. 17.02.07 г. на всенародном референдуме 97 % принявших в нем участие граждан ПМР сделали свой выбор: независимость и последующее свободное присоединение к Российской Федерации. После референдума официально объявлен курс на гармонизацию законодательства Приднестровья с Россией. За последние 15 лет, прошедших после референдума, были приняты десятки законодательных актов, затрагивающих различные сферы правовых отношений, которые в своей основе максимально схожи с аналогичными законодательными актами Российской Федерации, в том числе, и Конституционный

закон «О прокуратуре Приднестровской Молдавской Республики». Основные положения этого закона практически полностью восприняты из российского закона. Но при этом приднестровский закон сохранил более высокий статус прокуратуры, как органа, обеспечивающего соблюдение прав и свобод человека и гражданина, законность в государстве и обществе, что особенно важно в государстве, не имеющем международно-признанной правосубъектности.

Список литературы

1. Конституция Российской Федерации 1993 г. // [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/(дата обращения 15.08.2021 г.).
2. Конституция Приднестровской Молдавской Республики // [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-konstitutsionnogo-stroya-osnov-pravoporyadka-a-takje-deyatelnosti-organov-gosudar> (дата обращения 15.08.2021 г.).
3. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общей редакцией Л.В. Лазарева. – Москва: Новая правовая культура, 2009 // [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/200271700://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634> (дата обращения: 15.08.2021 г.).
4. Взаимоотношения прокуратуры и президентской власти в системе разделения властей России // Байкин И.М., помощник прокурора г. Кушвы Свердловской области [Электронный ресурс]. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36471-vzaimootnosheniya-prokuratury-prezidentskoj-vlasti-sisteme-razdeleniya-vlastej> (дата обращения: 15.08.2021 г.).
5. Крашенинников, П.В. Право законодательной инициативы 10 декабря 2018 г. // [Электронный ресурс]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/200271700> (дата обращения 15.08.2021 г.).

References

1. Konstituciya Rossijskoj Federacii 1993 g. // [Elektronnyj resurs]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/(data obrashcheniya 15.08.2021 g.).
2. Konstituciya Pridnestrovskoj Moldavskoj Respubliki // [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.vspmr.org/legislation/laws/zakonodateljnie-akti-pridnestrovskoy-moldavskoy-respubliki-v-sfere-konstitutsionnogo-stroya-osnov-pravoporyadka-a-takje-deyatelnosti-organov-gosudar> (data obrashcheniya 15.08.2021 g.).
3. Kommentarij k Konstitucii Rossijskoj Federacii / pod obshchej redakciej L.V. Lazareva. – Moskva: Novaya pravovaya kul'tura, 2009 // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/200271700://constitution.garant.ru/science-work/comment/5366634> (data obrashcheniya: 15.08.2021 g.).
4. Vzaimootnosheniya prokuratury i prezidentskoj vlasti v sisteme razdeleniya vlastej Rossii // Bajkin I.M., pomoshchnik prokurora g. Kushvy Sverdlovskoj oblasti [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/36471-vzaimootnosheniya-prokuratury-prezidentskoj-vlasti-sisteme-razdeleniya-vlastej> (data obrashcheniya: 15.08.2021 g.).
5. Krashennnikov, P.V. Pravo zakonodatel'noj iniciativy 10 dekabrya 2018 g. // [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/200271700> (data obrashcheniya 15.08.2021 g.).

УДК 342.92

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ – ОСНОВНОЙ ИСТОЧНИК АДМИНИСТРАТИВНОГО ПРАВА

Ордина Ольга Николаевна^{1,2},

канд. юрид. наук,

e-mail: ordinolga@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

²Российский университет транспорта (МИИТ), Москва, Россия

Особым источником административного права является Конституция Российской Федерации, которая закрепила систему форм права данной отрасли. В статье изучаются позиции ученых, отмечающих иерархичный и многоуровневый ее характер.

Статья содержит анализ принципов, имеющих значение для административного права, определяющих цели совершенствования административного законодательства исходя из политических и социальных ценностей современного государства и общества. Они закладывают основу создания административно-публичных органов, определяют характер взаимоотношений между ними.

Автор рассматривает ее юридические свойства, которые оказывают влияние на развитие системы источников административного права. Конституция Российской Федерации – это нормативный правовой акт, который принят путем всенародного голосования, обладающий свойством верховенства, имеющий прямое действие на всей территории страны и высшую юридическую силу. Статья содержит анализ особого порядка ее охраны, пересмотра и внесения поправок.

Ключевые слова: конституция; государственное управление; нормативный правовой акт; источники права; административное право; норма права; закон; подзаконный акт

THE CONSTITUTION OF RUSSIA AS THE MAIN SOURCE OF ADMINISTRATIVE LAW

Ordina O.N.^{1,2},

candidate of legal sciences,

e-mail: ordinolga@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

²Russian University of Transport RUT (MIIT), Moscow, Russia

A special source of administrative law is the Constitution of the Russian Federation, which enshrined the system of forms of law in this branch. The paper discusses the positions of scientists who note its hierarchical and multi-level nature. The paper contains an analysis of the principles relevant to administrative law, which determine the aims of improving administrative legislation based on the political and social values of the modern state and society. They lay the foundation for the creation of administrative and public bodies, determine the nature of the relationship between them. The author considers its legal properties, which have an impact on the development of the system of sources of administrative law. The Russian Constitution is a normative legal act that was adopted by popular vote, which has the property of supremacy, has direct effect throughout the country and the highest legal force. The paper contains an analysis of the special order of its protection, revision and amendment.

Keywords: Constitution, public administration, regulatory legal act, sources of law, administrative law, rule of law, law, bylaw

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-22-27

Конституция Российской Федерации, принятая на референдуме, выражает волю не государства, а российского народа, что придает ей более высокий правовой уровень по отношению к другим источникам административного права. Основным источником российского права назван конституцией. Современный зарубежный законодатель называет основным документ государства как «основной закон» (Конституция Германии 1949 г.), «верховный закон» (Конституция Японии 1946 г.). Некоторыми российскими учеными Конституция Российской Федерации рассматривается как Основной закон¹. Но Конституция РФ не содержит указания на такое название. Наоборот, в ч. 2 ст. 4 осуществляется разграничение между законами и Конституцией РФ как самостоятельными источниками, что выражает позицию конституционного законодателя. Поэтому Конституцию Российской Федерации называют основным законом в силу традиции.

Свойство верховенства Конституции Российской Федерации (ч. 2 ст. 4) означает, что любой источник права должен соответствовать Конституции, что вызвано необходимостью обеспечения целостности и непротиворечивости системы всех источников права. Это свойство придает основному документу России особую правовую силу и обуславливает необходимость следовать конституционным принципам при осуществлении административного правотворчества.

Конституция Российской Федерации сама устанавливает свою высшую юридическую силу (ч. 1 ст. 15) по отношению ко всем иным источникам права, в том числе международно-правовым. Положение о приоритете норм международного права, закрепленное в ч. 4 ст. 15, является проблемным, т.к. Европейский Суд по правам человека признает верховенство Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. по отношению к внутреннему законодательству стран-участников, в том числе и к основным законам (конституциям)². Но в виду того, что Конституция Российской Федерации не является законодательным актом (она имеет учредительный характер), то она не подпадает под действие этой статьи и обладает приоритетом по отношению к международным договорам России. А последние, в свою очередь, согласно ч. 6 ст. 125 Конституции Российской Федерации при условии их несоответствия ей, «не подлежат введению в действие и применению».

Реализация закрепленного в Конституции Российской Федерации принципа прямого действия конституционных норм (ч. 1 ст. 15) вызывает некоторые сложности, поскольку кроме норм, имеющих конкретный характер, прямо устанавливающих права, обязанности и ответственность субъектов и закрепляющих четкие правила поведения (например, ч. 1 ст. 46 – каждому гарантируется судебная защита прав и свобод), встречаются нормы, являющиеся правовыми принципами, применение которых непосредственно затруднено (например, закрепленный в ч. 4 ст. 32 равный доступ для граждан России к государственной службе). Подобные статьи выступают основой административного законодательства и обязательны для соблюдения административно-публичными органами.

Юридическое свойство прямого действия Конституции Российской Федерации не может исключать создание механизма реализации административно-правовых норм и принципов. Конституция РФ содержит указания на те или иные вопросы, регулирование которых предполагается специальными федеральными или федеральными конституционными законами: о гражданстве Российской Федерации (ч. 1 ст. 6); о двойном гражданстве (ч. 1 ст. 62); о порядке деятельности Правительства России (ч. 2 ст. 114) и другие. Конституция РФ не устанавливает четкого перечня вопросов, по которым обязательно принятие законов.

Обеспечение прямого действия Конституции Российской Федерации – одна из основных задач судов. В указании Пленума Верховного Суда Российской Федерации³ при рассмотрении и разрешении дел в судах Конституция Российской Федерации подлежит применению в качестве акта прямого действия. Идейной основой такого вывода Суда является провозглашающая приоритет прав и свобод человека и гражданина доктрина естественного права.

Особая охрана Конституции РФ, порядок «пересмотра» и «внесения поправок» выступает как ее юридическое свойство. В части 2 ст. 80, ст. 82 Конституции РФ закреплено положение о Президенте

¹ Марченко, М.Н. Источники права: учебное пособие. – Москва: МГУ, 2011. – С. 167.

² Постановление Европейского Суда по правам человека от 29 октября 1992 г. по делу «Опен До и Дублин Уэлл Вуман (Open Door & Dublin Well Woman) против Ирландии» и от 17 февраля 2004 г. по делу «Маэстри (Maestri) против Италии» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.echr.coe.int> (дата обращения: 19.01.2022).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О некоторых вопросах применения судами Конституции РФ при осуществлении правосудия» от 31 октября 1995 г. № 8 (ред. от 03.03.2015) // Бюллетень Верховного Суда РФ – 1996. – № 2. – С. 1.

России как гаранте Конституции Российской Федерации, имеющего право отменять противоречащие ей распоряжения и постановления Правительства России (ч. 3 ст. 115), а также в Конституции РФ идет речь о приостановлении действия актов органов исполнительной власти субъектов Федерации (ч. 2 ст. 85). За Конституционным Судом Российской Федерации закрепляется функция рассмотрения дел о соответствии Конституции Российской Федерации законов и иных источников административного права (ст. 125), что позволяет ему выполнять важную роль в охране основного документа России.

До сих пор не утихает научная и общественная дискуссия о реформировании Конституции РФ. Так, в Государственной Думе Федерального Собрания РФ в 1994–1995 гг. поднимался вопрос о создании конституционно-правовых механизмов парламентского контроля за административно-публичными органами и их должностными лицами, что предполагало внесение изменений в ст. 83, 101, 102, 117 Конституции Российской Федерации⁴. В связи с этим был принят закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ⁵. Пока Конституция Российской Федерации не исчерпала свой регулятивный потенциал.

Юридическая наука пока не поставила точку в дискуссии относительно того, может ли Конституция Российской Федерации рассматриваться в качестве источника административного права. Можно выделить два противоречащих друг другу подхода к решению указанной проблемы. Согласно одному подходу, Конституция РФ включает лишь базовые положения, используемые в других отраслях права, но все они относятся к конституционному праву [1, С. 38]. Второй подход базируется на доводе, согласно которому Конституция Российской Федерации является правовой базой всего российского права, и поэтому в ней содержатся нормы различных отраслей⁶. В качестве аргумента в пользу данного подхода можно привести примеры, подтверждающие то, что она включает большое количество *норм административного права*: 1) нормы, определяющие правовые основы организации и функционирования административно-публичных органов (п. «г» ст. 71, п. «н» ч. 1 ст. 72, ст. 77, 80, 83, 84, 86, 87, 110–117); 2) нормы, закрепляющие административно-правовой статус граждан Российской Федерации, иностранцев и апатридов (ст. 6, 17–19, 24, 27, 62, ч. 1 ст. 63); 3) нормы об участии граждан в управлении государством (ч. 4 ст. 29, ст. 32); 4) нормы, устанавливающие предметы ведения и полномочия Российской Федерации и ее субъектов в различных областях административно-публичной сферы (ст. 71–73, 76); 5) нормы, уделяющие внимание согласительным процедурам, средствам предотвращения юридических коллизий, что повышает роль Конституции Российской Федерации как реальной правовой базы для обеспечения равноправия различных социальных интересов (ч. 3 ст. 76, ст. 85, ч. 3 ст. 109, ст. 115); 6) нормы о судебной юрисдикции в административно-публичной сфере (ч. 1 и 2 ст. 46, ч. 2 ст. 118, ч. 2 и 3 ст. 125).

Поскольку указанные положения имеют огромное значение для отрасли административного права, постольку Конституцию Российской Федерации, по нашему мнению, следует считать основным источником административного права, содержащим нормы административного права.

Конституция Российской Федерации содержит следующие принципы. Принцип разделения властей (ст. 10), который предполагает выполнение органами различных ветвей власти своих специфических функций. Но строго разделить эти функции сложно, поэтому происходит их взаимопроникновение: орган исполнительной власти может обладать правом детализировать законы при издании (принятии) своих актов; законодательный орган иногда выполняет функции по формированию административно-публичных органов; органы судебной власти могут выполнять нормотворческую функцию.

Принцип федерализма (ст. 71–73, 76–78). Согласно этому принципу исполнительная власть в Российской Федерации осуществляется на двух уровнях: федеральном и субъектовом. Указанные органы могут передавать друг другу часть своих полномочий.

Принцип законности (ч. 2 ст. 15), который заключается в том, что административно-публичные органы могут создаваться и наделяться своими полномочиями только на основании закона, а также осуществлять свою деятельность в пределах установленной законом компетенции, что определяет под-

⁴ Постановление Государственной Думы РФ «О дальнейшей работе над поправками к Конституции РФ» от 12 июля 1995 г. № 958-1 ГД // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 30. – Ст. 2880.

⁵ Закон РФ о поправке к Конституции РФ «О контрольных полномочиях Государственной Думы в отношении Правительства РФ» от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 1. – Ст. 2.

⁶ Административное право / под ред. Л.Л. Попова, М.С. Студеникиной. – Москва, 2008. – С. 49.

законный характер их деятельности. Наличие административно-публичных органов предполагает судебный контроль над ними (ст. 118). При рассмотрении закона равнозначным праву, возникает проблема толкования принципа законности, которая в данном контексте звучит как следование не только закону, но и праву в целом. В соответствие с этим административно-публичные органы осуществляют свою деятельность в соответствии с: 1) нормами, содержащимися в нормативных правовых актах России; 2) общепризнанными принципами и нормами международного права, а также международными договорами России; 3) принципами административного права; 4) нормами, содержащимися в судебных актах.

Согласно принципу равенства перед законом и судом (ч. 1 ст. 19) административно-публичные органы обязаны относиться ко всем частным и публичным лицам одинаково. А в случае нарушения этого принципа указанные лица имеют право обжалования решений этих органов, что является одним из важных конституционных принципов (ст. 33, 45, 46).

Не менее значимым является принцип гуманизма (ст. 2, 17), предполагающий соблюдение административно-публичными органами прав и свобод человека и гражданина. А принцип взаимной ответственности государства и личности (ст. 53) детерминирован наделением частных и публичных лиц статусом самостоятельных субъектов административного права, имеющих как права, так и обязанности, и несущих ответственность за свои деяния. Граждане России имеют конституционное право на управление делами государства (ст. 32).

Итак, имеющие административную значимость принципы, отраженные в Конституции Российской Федерации, – это идеи, на которых базируется организация и функционирование административно-публичных органов. Они доктринально закрепляют основные направления деятельности указанных органов по реализации ими административных функций, детерминированных моделью организации государственной власти. Данные принципы отражают объективные закономерности развития государства и общества, формулируются на основании правового опыта и правовой культуры в стране.

Итак, *Конституция Российской Федерации содержит как классические нормы-правила административного права (например, нормы, определяющие правовые основы организации и функционирования Правительства России (ст. 110–117), так и неклассические нормы (нормы-принципы), имеющие значение для административного права (например, принцип гуманизма (ст. 2, 18)).*

Остановимся на анализе содержания норм Конституции Российской Федерации, которые определяют как развитие системы источников административного права в целом, так и отдельных ее источников: правовой доктрины, нормативных правовых актов, общепризнанных принципов и норм международного права, судебных решений и нормативных договоров.

Являясь системообразующим источником административного права, Конституция Российской Федерации указывает на создание в России правового государства (ст. 1). В Конституции Российской Федерации заложены следующие основные компоненты правовой государственности: гуманитарно-правовой, нормативно-правовой и институционально-правовой. В Конституции Российской Федерации не ставятся задачи совершенствования имеющегося правопорядка в стране, а лишь говорится о формировании новых юридических основ организации государственной власти, о взаимоотношениях между государством и человеком, о приоритете прав и свобод человека и гражданина. Для Конституции Российской Федерации характерно принципиально новое правовое мировоззрение – «человекоцентристское правопонимание», основанное на естественно-правовом подходе, и выражающееся в комбинации двух взаимосвязанных элементов: юридико-аксиологического (высшая ценность – права и свободы человека) и естественно-правового (неотчуждаемость и прирожденный характер основных прав и свобод человека). Согласно такому правопониманию Конституция Российской Федерации в главе 2 закрепляет широкий круг прав и свобод человека и гражданина.

Новый правопорядок, установленный в Конституции Российской Федерации, диктует гарантированность прирожденных и неотчуждаемых естественных прав человека всеми административно-публичными органами. В.С. Нерсисянц отмечал, что естественно-правовые положения Конституции Российской Федерации являются конституционными стандартами качества нормативных правовых актов и организации деятельности всех государственных органов. Можно резюмировать, что на данный момент в связи с изменениями в позитивном праве, вызванными установлением в Конституции Рос-

сийской Федерации концепции естественного права, возникает задача соответствия позитивного права естественно-правовым идеалам. Но пока эта проблема остается не решенной.

Новые правовые реалии и осуществляемая административная реформа требуют создания новой концепции развития источников административного права. Господствующие в административно-правовой доктрине идеи естественного права, имеющие общерегулятивное значение, раскрывают нам идеалы совершенствования административного законодательства. Конституция Российской Федерации является основой создания административного законодательства, регулирующего организацию и функционирование административно-публичных органов, упорядочения огромного количества действующих на различных уровнях административно-правовых норм. Поэтому первоочередной задачей является приведение действующих норм административного права в полное соответствие с конституционными нормами и принципами. Статья 2 и глава 2 Конституции Российской Федерации представляют собой основу для их дальнейшей регламентации и законодательного оформления.

Концепция естественного права, как совокупность общечеловеческих представлений о свободе, справедливости, неотъемлемости прав человека, являющаяся совокупностью суждений, то есть доктриной, сама может выступать источником права, а правоприменительные органы вправе использовать ее, а не писанные нормы. В частности Конституционный Суд Российской Федерации основывает свои решения не только на позитивных нормах права, а использует также и общеправовые принципы и положения. А это подтверждает вывод о том, что он, как правоприменительный орган, признает источником права как Конституцию Российской Федерации, содержащую естественно-правовую концепцию, так и саму правовую доктрину [2, С. 47–48].

Следует отметить, что на сегодняшний день административно-правовая наука не имеет единого подхода к пониманию сущности административно-правовой доктрины, ее форме и содержанию. Несмотря на развитие системы источников административного права, происходящее на фоне значительной трансформации правовой системы России, вызванной социальными, политическими и экономическими реформами, происходящими в российском обществе, научный анализ этих процессов не проводится. В данной ситуации актуальным является осуществление научных административно-правовых исследований, позволяющих выявить причины, оказывающие влияние на формирование системы источников административного права.

Естественно-правовая концепция, закрепленная в Конституции Российской Федерации, предполагает увеличение значимости федеральных законов как источников административного права. Поскольку нормы законов характеризуются стабильностью по сравнению с нормами остальных нормативных правовых актов, а их юридическая сила детерминирует содержание и развитие всех остальных источников административного права, постольку закону следует занять ключевое положение в системе источников административного права. Именно закон должен устанавливать определенные рамки функционирования административно-публичных органов, выступать гарантом естественных прав человека, и, в целом, быть основным регулятором общественных отношений в административно-публичной сфере.

На установление законодательной основы государственного управления указывает опыт зарубежных стран. Основной закон (конституция) Германии наряду с многочисленными законами Федерации и земель регламентирует осуществление управления в стране. В разделе 8 в статьях 83–91 «Исполнение федеральных законов и федеральная администрация» указывается на распределение административных полномочий между административными органами. В статье 30 основного закона содержатся положения о разграничении государственных полномочий между Федерацией и землями, в статье 28 – о гарантиях местного самоуправления⁷.

В условиях построения правового государства в России на первый план выдвигается проблема создания конституционных требований (стандартов) к качеству административного законодательства. Решение этой задачи обусловлено закреплением в Конституции Российской Федерации естественно-правовой концепции, рассматривающей законы и нормы позитивного права в качестве правовых, если они не вступают в противоречие с естественными правами и свободами человека и соответствуют морально-нравственным требованиям. Поэтому перед административно-правовой наукой стоит задача

⁷ Административно-процессуальное право Германии. – Москва, 2007. – С. 9.

трансформации стандартов естественного права в систему формальных требований к качеству административного законодательства.

В Конституции Российской Федерации, на наш взгляд, содержатся следующие стандарты (требования) правового характера закона: 1) организационно-правовой стандарт (источником власти является народ); 2) объективно-правовой стандарт (учет объективных правообразующих факторов); 3) гуманитарно-правовой стандарт (естественно-правовая концепция); 4) формально-правовой стандарт (формализация естественно-правовых идей). Идеи естественно-правовой теории приобрели форму, закрепившись в Конституции Российской Федерации в виде норм-принципов, норм-деклараций, норм-дефиниций, и получили возможность диктовать стандарты всему текущему законодательству.

Итак, *установив концепцию естественного права, Конституция Российской Федерации закрепила правовые стандарты к качеству административного законодательства, являющиеся критериями его правового характера.*

В связи с решением указанного вопроса возникает проблема уяснения предмета регулирования только законом и отграничения его от сферы правового регулирования подзаконных нормативных правовых актов; определения конкретного перечня вопросов, которые подлежат регламентации только законом. В юридической литературе относительно данной проблемы превалирует позиция, согласно которой в предмет правового регулирования только законом должны быть включены наиболее значимые общественные отношения. В связи с этим важно определить круг вопросов, подлежащих законодательному регулированию административным законом: это может быть как исчерпывающий перечень вопросов, составляющих предмет регулирования законами, так и определение сфер и принципов административно-правового регулирования законом. Одними учеными предполагается решение этой проблемы путем закрепления четкого перечня вопросов в Конституции Российской Федерации, другими – путем принятия специального закона [3, С. 3–9; 4, С. 76–86]. В Конституции Российской Федерации предмет правового регулирования только федеральными законами не определен. Полагаем, что решение проблемы нужно искать в нормах Конституции Российской Федерации, имеющих отсылочный характер (как нормам-принципам, так и нормам, содержащим указание на принятие федерального закона). Кроме того, следует учитывать конституционные нормы, предполагающие принятие законов в силу особой значимости общественных отношений, подлежащих административно-правовому регулированию.

Таким образом, *Конституция Российской Федерации является правовой базой для осуществления систематизации административного права, главными ориентирами которой являются воплощение ее идей и положений в деятельности административно-публичных органов, преодоление разрыва между конституционными идеалами и реальностью. В связи с этим любой источник административного права в процессе систематизации должен быть проанализирован на его соответствие: 1) требованиям Конституции Российской Федерации; 2) европейским стандартам и праву европейских стран; 3) доктрине административного права; 4) требованиям полноты и качества правового регулирования.*

Список литературы

1. *Кутафин, О.Е.* Источники конституционного права РФ. – Москва, 2002.
2. *Карапetyan, С.А.* Источники конституционного права РФ: дисс. ... канд. юрид. наук. – Ростов-на-Дону, 1998.
3. *Казьмин И.Ф., Поленина С.В.* «Закон о законах»: проблемы издания и содержания // Советское государство и право. – 1989. – № 2.
4. *Пиголкин А.С., Казьмин И.Ф., Рахманина Т.Н.* Инициативный проект «О нормативно-правовых актах РФ» // Государство и право. – 1992. – № 7.

References

1. *Kutaфин, O.E.* Istochniki konstitucionnogo prava RF. – Moskva, 2002.
2. *Karapetyan, S.A.* Istochniki konstitucionnogo prava RF: diss. ... kand. jurid. nauk. – Rostov-na-Donu, 1998.
3. *Kaz'min I.F., Polenina S.V.* «Zakon o zakonah»: problemy izdaniya i sodержaniya // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1989. – № 2.
4. *Pigolkin A.S., Kaz'min I.F., Rahmanina T.N.* Inicativnyj proekt «O normativno-pravovyh aktah RF» // Gosudarstvo i pravo. – 1992. – № 7.

УДК 342.4

КОНСТИТУЦИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИСТОЧНИК ФИНАНСОВОГО ПРАВА

Самородов Дмитрий Альбертович,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

Данная статья посвящена анализу финансово-бюджетных норм Конституции Российской Федерации, особенностям их практической реализации на современном этапе, а также возможным путям совершенствования норм бюджетного законодательства РФ с целью более эффективной реализации конституционных положений в данной сфере.

Ключевые слова: Конституция РФ; финансовое право; государственный банк; бюджетная политика; бюджетные расходы; образование; экономика; здравоохранение

THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION AS A SOURCE OF FINANCIAL LAW

Samorodov D.A.,

Candidate of legal sciences, associate professor,

e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

Moscow Witte University, Moscow, Russia

This paper is devoted to the analysis of the financial and budgetary norms of the Constitution of the Russian Federation, the specifics of their practical implementation at the present stage, as well as possible ways to improve the norms of the budget legislation of the Russian Federation in order to implement constitutional provisions more effectively in this area.

Keywords: The Constitution of the Russian Federation, financial law, state bank, fiscal policies, budget expenditures, education, economy, healthcare

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-28-32

Конституция Российской Федерации, наряду с Бюджетным кодексом РФ, Налоговым кодексом РФ и ежегодно принимаемым Федеральным законом о федеральном бюджете на очередной финансовый год и плановый период, составляет костяк, ядро правового регулирования финансовой деятельности государства. В Конституции РФ содержатся нормы, составляющие основу практически всех подотраслей и институтов финансового права. Так, в основе налогового права как подотрасли финансового права лежит ст. 57 главы 2 Конституции РФ, согласно которой каждый обязан платить законно установленные налоги и сборы, а законы, устанавливающие новые налоги или ухудшающие положение налогоплательщиков, обратной силы не имеют¹. Аналогичное положение закреплено и в ст. 3 Налогового кодекса РФ в качестве одного из основных начал (принципов) отечественного законодательства о налогах и сборах: «Каждое лицо должно уплачивать законно установленные налоги и сборы. Законодательство о налогах и сборах основывается на признании всеобщности и равенства налогообложения. При установлении налогов учитывается фактическая способность налогоплательщика к уплате налога»². Основу правового регулирования денежной системы Российской Федерации

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 20.01.2022).

² Налоговый кодекс Российской Федерации (НК РФ) от 31 июля 1998 года № 146-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19671/ (дата обращения: 20.01.2022).

составляет ч. 1 ст. 75 Конституции РФ («Денежной единицей в Российской Федерации является рубль. Денежная эмиссия осуществляется исключительно Центральным банком Российской Федерации. Введение и эмиссия других денег в Российской Федерации не допускаются»), государственной кредитной и заемной политики – ч. 4 ст. 75 («Государственные займы выпускаются в порядке, определяемом федеральным законом, и размещаются на добровольной основе»). В Конституции РФ закреплён один из основных принципов финансовой деятельности государства – принцип федерализма, согласно которому финансовая деятельность государства направлена на сочетание общефедеральных интересов с интересами субъектов Федерации (п. «ж» и «з» ст. 71, п. «и» ст. 72). Ряд положений Конституции РФ посвящён полномочиям законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти, а также Президента РФ в сфере финансовой и бюджетной деятельности. Так, ч. 1 ст. 105 Конституции РФ закрепляет бюджетные полномочия Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, п. «а», «б» и «в» ст. 106 – обязанность Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации рассматривать принятые ГД ФС РФ федеральные законы по вопросам финансовой и бюджетной деятельности РФ, п. «д» ст. 84 – бюджетные полномочия Президента РФ, ч. 3 ст. 104 и п. «а» и «б» ст. 114 – Правительства РФ. Обращает на себя внимание, что в ст. 114 Конституции РФ, посвящённой полномочиям Правительства РФ как органа, осуществляющего в России исполнительную власть, бюджетные полномочия (разработка и представление Государственной Думе ФС РФ федерального бюджета, обеспечение его исполнения, представление Государственной Думе ФС РФ отчёта об исполнении федерального бюджета; обеспечение проведения в Российской Федерации единой финансовой, кредитной и денежной политики) поставлены законодателем на первое и второе места, что подчеркивает важность данных полномочий как в системе прерогатив Правительства РФ, так и в сфере прерогатив федеральных органов исполнительной власти в целом. Ч. 5 ст. 101 Конституции РФ содержит норму о Счетной палате РФ как специализированном государственном органе, осуществляющим контроль за исполнением федерального бюджета, а ч. 3 ст. 132 Конституции РФ – положение о бюджетных и налоговых полномочиях органов местного самоуправления. Таким образом, по мнению автора, в Конституции РФ содержится не менее 10 статей, нормы которых в той или иной степени регулируют финансовые правоотношения.

При этом конституционные нормы, регулирующие финансовую деятельность государства, характеризуются наличием ряда коллизий и пробелов, что затрудняет их практическую реализацию. Так, в п. «ж» ст. 71 Конституции РФ, в частности, указывается, что в ведении Российской Федерации находятся федеральные экономические службы, включая федеральные банки. При этом дефиниции, то есть определения понятия «федеральный банк», ни Конституция РФ, ни Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» не содержат. В данном Законе (ст. 1) даются следующие дефиниции: «кредитная организация», «банк», «банк с универсальной лицензией», «банк с базовой лицензией», «небанковская кредитная организация», «иностранный банк»³. Понятие «федеральный банк» встречается только в доктринах. Так, по мнению автора статьи, размещенной на www.petroffbank.ru, федеральные банки России – это банки, входящие в систему Центрального Банка России. В совокупности они образуют централизованную систему с типом вертикальной структуры правления. Федеральные банки образуются на базе государственной собственности. К их обязательствам относятся: 1) выполнение поручений Центрального банка России; 2) сохранение баланса между коммерческими банками и общенациональными; 3) защита кредитных прав потребителей; 4) предоставление услуг финансового депозитария для Правительства РФ; 5) разрешение вопросов с ликвидностью; 6) поддержка стабильности цен, надзор за разумностью процентных ставок и прочее. К федеральным банкам автор упомянутого материала относит также полевые организации Центрального банка РФ, обслуживающие воинские части и подразделения Министерства обороны РФ⁴. На наш взгляд, целесообразно ликвидировать данный законодательный пробел, дополнив ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» следующим определением: «Федеральный банк – это банк, в

³ Федеральный закон «О банках и банковской деятельности» от 02.12.1990 № 395-1 (последняя редакция). – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/ (дата обращения: 20.01.2022).

⁴ Федеральные банки России. – URL: http://www.petroffbank.ru/category/federalnye_banki_rossii.html (дата обращения: 20.01.2022).

уставном капитале которого более 50% является собственностью Российской Федерации». В частности, к федеральным банкам следует отнести ПАО «Сбербанк», владельцем 50%+1 акции которого является Фонд национального благосостояния России, контролируемый Правительством РФ (остальные акции находятся в публичном обращении), а также ПАО «Банк ВТБ», 60,9% обыкновенных акций которого принадлежит Российской Федерации. С учетом привилегированных акций доля государства в уставном капитале Группы ВТБ, головной структурой которой является «Банк ВТБ», составляет 92%⁵. Мы предлагаем также закрепить ст. 1 Федерального закона от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» определение понятия «банк с долевым федеральным участием», код которым следует понимать банк, в уставном капитале которого доля собственности Российской Федерации составляет менее 50%.

Слабым местом финансово-правовых и социально-правовых норм действующей Конституции РФ, является, по мнению автора, отсутствие четко закрепленных в отраслевом законодательстве и самой Конституции РФ механизмов их обеспечения. Так, 1 июля 2020 г. на Общенародном голосовании глава 3 Конституции РФ «Федеративное устройство» была дополнена ст. 75.1, в соответствии с которой, в частности, в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан. При этом, согласно Пояснительной записке к проекту Федерального закона «О федеральном бюджете на 2022 г. и на плановый период 2023 и 2024 гг.» предполагается в 2022 году сократить финансирование здравоохранения на 117 млрд руб. (с 1 362 трлн в 2021 г. до 1 245 трлн в 2022 г.). Таким образом, финансирование здравоохранения из федерального бюджета будет сокращено до менее чем 1% от прогнозируемого объема валового внутреннего продукта (ВВП) страны. Здесь уместно напомнить, что за период с 1991 г. по 2018 г. число больниц в РСФСР/РФ сократилось с 12,8 тыс. до 5,26 тыс., в частности, с 2000 г. по 2018 г. было закрыто 5,4 тыс. больниц, что составляет 302 больницы в год или 0,8 больницы в день. Число больничных коек сократилось с 1,8 млн в 1980 г. до 1,17 млн в 2018 г.⁶ Расходы по разделу «Социальная политика» будут в 2022 г. сокращены на 371 млрд руб. (с 6,2 трлн до 5,8 трлн), «Экономика» – на 152 млрд руб. (на 4% по сравнению с 2021 г.), расходы по государственной программе «Развитие пенсионной системы» – также на 152 млрд руб. В целом финансирование за счет средств федерального бюджета таких разделов единой классификации расходов бюджета, как «Экономика», «Здравоохранение» и «Социальная политика» будет в 2022 г. сокращено по сравнению с 2021 г. на 640 млрд руб. Согласно той же Пояснительной записке, в 2022–2024 гг. не предполагается использование средств Фонда национального благосостояния РФ на покрытие дефицита федерального бюджета. Сам Фонд национального благосостояния РФ в 2022 г. предполагается довести с 13 888,9 млрд руб. до 16 477,9 млрд руб., а к концу планового периода 2023–2024 гг., за счет дополнительных нефтегазовых доходов – до 23 267,4 млрд руб. Объем государственного долга Российской Федерации планируется наращивать на протяжении как очередного финансового года, так и планового периода, т.е. на протяжении всех трех планируемых лет (к концу 2024 г. он составит 31 939,7 млрд руб., или 21,1% от объема ВВП 2024 года). Следует отметить, что общий объем расходной части федерального бюджета в 2022 году должен составить 25 021,9 млрд руб., в 2023 г. – 25 540,2 млрд руб., в 2024 г. – 25 831,8 млрд руб. Проектом Федерального закона о бюджете на 2022–2024 гг. предусматривается беспрецедентно высокий объем расходов по разделу «Национальная оборона» – 3,5 трлн руб. (почти 15% общих расходов федерального бюджета, или 2,6% прогнозируемого ВВП страны)⁷.

Итак, на фоне планируемого, согласно внесенному 30 сентября 2021 г. в Государственную Думу Федерального Собрания РФ проекту Федерального закона о федеральном бюджете на 2022–2024 гг., роста расходов из главного денежного фонда страны Правительством РФ и Министерством финансов РФ запланировано снижение бюджетных расходов по всем трем основным социальным разделам ст. 21 Бюджетного кодекса РФ – «Экономика», «Социальная политика» и «Здравоохранение» (как уже отме-

⁵ Банк ВТБ. Материалы из Википедии – свободной энциклопедии. – URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Банк_ВТБ (дата обращения: 20.01.2022).

⁶ Песков предупредил о готовности власти принимать «жесткие меры», если медицинская инфраструктура перестанет справляться. – URL: https://zen.yandex.ru/media/burckina_faso/peskov-predupredil-o-gotovnosti-vlasti-primenit-jestkie-mery-esli-medinskaia-infrastruktura-perestanut-spravliatsia-61681b9f08e8417bd0f82ef5 (дата обращения: 20.01.2022).

⁷ Оборонные расходы отбили прежнее место в бюджете. В 2022 году государство потратит на армию и военно-промышленный комплекс более 3,5 трлн // Газета РБК №147 (3436) от 03.10.2021 г. – URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2021/10/04/61571a279a79478e0bc0b011> (дата обращения: 20.01.2022).

чалось выше, в 2022 г. – на 640 млрд руб.). При этом с августа 2020 г. по август 2021 г. убыль населения России составила 940 тыс. человек. С такими темпами убыль населения нашей страны с сентября 2021 г. по сентябрь 2021 г. может составить свыше 1 млн человек, что будет являться историческим рекордом со времен Великой Отечественной войны⁸. Очевидно, что в подобной ситуации необходимо существенное повышение бюджетных расходов на здравоохранение. По данным на 2021 г. из наиболее значимых государств мира наибольшее количество средств на медицину выделяют:

1) США (как в денежном выражении – 9380 долларов на каждого американца, так и в процентном – 17,1% от объема ВВП);

2) Норвегия (5670 долларов в год на каждого или 10,4% от ВВП);

3) Германия (5642 доллара или 11,2% от ВВП).

Консолидированные, то есть осуществляемые из всех предусмотренных бюджетным законодательством источников, затраты на медицину в России в 2021 г. были запланированы в объеме 4,4 трлн рублей или 3,8% от ВВП (из федерального бюджета – 1,12 трлн, региональных бюджетов – 0,75 трлн, платежи ОМС – 2,54 трлн рублей). Население Российской Федерации составляет 146 млн человек, соответственно расходы на здравоохранение на одного россиянина в 2021 г. составят 30 328 рублей или 490 долларов США. Расходы на лечение еще меньше, до пандемии на лечение одного жителя России выделялось 11600 рублей в год. С показателем расходов на медицину 3,8% от ВВП Российская Федерация занимает 152-е место в мире. Нашими соседями по данному показателю являются:

150) Восточный Тимор – 3,90% от ВВП;

151) Малайзия – 3,90% от ВВП;

153) Оман – 3,80% от ВВП;

154) Шри-Ланка – 3,80% от ВВП;

155) Мали – 3,80% от ВВП;

156) Нигерия – 3,80% от ВВП;

157) Таиланд – 3,70% от ВВП;

158) Бенин – 3,70% от ВВП.

Кстати, постоянно порицаемая отечественным государственным телевидением за провальную социальную политику Украина с показателем расходов на медицину 6,7% от ВВП занимает 82-е место в мире, а Беларусь с 5,9% от ВВП – на 105-м месте. Социалистическая Куба занимает 9-е место в мире по расходам на медицину – 11,9% от ВВП⁹. При этом золотовалютные резервы России на 13 августа 2021 года составляли 593 млрд долларов США.

Представляет интерес также анализ расходов развитых государств мира на образование. В среднем страны-участницы Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) тратят на цели, связанные с образованием, 4,9% от ВВП. На первом месте, согласно данным статистики той же ОЭСР за 2017-й финансовый год, находится Норвегия с показателем 6,6%. Как видим, несмотря на сырьевой характер норвежской экономики, в стране думают о развитии и инвестируют не только в нефтедобычу, но и в человеческий капитал. Второе место делят Новая Зеландия, Великобритания и Чили, где на образование уходит 6,3% валового внутреннего продукта. Кроме вышеперечисленных, более 6% от объема своего ВВП на образование тратят также Израиль и США. Россия в списке ОЭСР на 2017 год занимала четвертое место с конца с показателем 3,4% со значительным отставанием, например, от Турции (5%) и Мексики (4,4%). При этом Россия занимает 4 место в мире по военным расходам бюджета¹⁰.

Итак, подведем итог вышесказанному. Автор считает, что существующая финансово-бюджетная политика Российской Федерации не позволяет в полной мере реализовать конституционные нормы, регулирующие финансовые правоотношения, а социальные конституционные нормы превращаются, по существу, в фиктивные, не имеющие реальных механизмов обеспечения. Мы солидарны с позицией

⁸ Новости мигрантозамещения российского народа. – URL: https://zen.yandex.ru/media/burckina_faso/novosti-migrantozamesceniia-rossiiskogo-naroda-61693035994c7873e8c9b7ea

⁹ Стрыгин, И.В. Какое место занимает Россия в мире по уровню расходов на здравоохранение? – URL: <https://zen.yandex.ru/media/dprava/kakoe-mesto-zanimaet-rossiia-v-mire-po-urovniu-rashodov-na-zdravoohranenie-612a7f037824b353ff75850c>

¹⁰ Какие страны тратят на образование, как Россия? Показываю наш уровень в мире. – URL: <https://zen.yandex.ru/media/crisis/kakie-strany-tratjat-na-obrazovanie-kak-rossiia-pokazyvaiu-nash-uroven-v-mire-60a1c2bf8bcfa40dc3b812c3> (дата обращения: 20.01.2022).

экс-советника Президента Российской Федерации С.Ю. Глазьева, отметившего в своем выступлении еще на Петербургском экономическом форуме 25 мая 2018 г., что для устойчивого экономического и социального развития на здравоохранение нужно тратить сегодня не менее 5,5% от валового внутреннего продукта, на образование – не меньше 8%, на науку – не менее 3%. При этом, по мнению С.Ю. Глазьева, расходы на образование должны компенсироваться населением не более чем на 20%, а 80% должно государство брать на себя, на здравоохранение – не более чем на 50%¹¹. В своих предыдущих работах мы отмечали, что для повышения эффективности финансово-бюджетной политики и решения задач по обеспечению устойчивого развития отечественной социально-экономической сферы, целесообразно внести ряд поправок в действующий Бюджетный кодекс Российской Федерации, закрепив, в частности, в ст. 21 обязанность государства осуществлять бюджетное финансирование по разделу «Образование» в объеме не ниже 8% от общего объема расходной части бюджетов Российской Федерации и субъектов Российской Федерации, по разделу «Здравоохранение» – в объеме не ниже 5%, прикладных и фундаментальных научных исследований – в объеме не ниже 1,5% [3, С. 193–202]. Только подобные меры, как нам представляется, могут остановить разрушение систем отечественного здравоохранения и образования, обеспечат практическую реализацию социальных поправок в Конституцию Российской Федерации и выход отечественной экономики на траекторию устойчивого развития.

Список литературы

1. Финансовое право: учебник / ответственные редакторы: Грачева Е.Ю., Болтинова О.В. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2020. – 624 с.
2. Финансовое право: учебник / ответственные редакторы: Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. – 6-е изд. – Москва: НОРМА, 2019. – 800 с.
3. *Самородов, Д.А.* Особенности бюджетной политики российской Федерации на современном этапе развития // Устойчивое развитие: общество, экология, экономика: материалы XV международной научной конференции; в 4-х частях / под редакцией А.В. Семенова, Н.Г. Малышева. – Москва: ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2019. – Ч. 4.

References

1. *Finansovoe pravo: uchebnik / otvetstvennyye redaktory: Gracheva E.Yu., Boltinova O.V.* – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Prospekt, 2020. – 624 s.
2. *Finansovoe pravo: uchebnik / otvetstvennyye redaktory: N.I. Himicheva, E.V. Pokachalova.* – 6-e izd. – Moskva: NORMA, 2019. – 800 s.
3. *Samorodov, D.A.* Osobennosti byudzhethnoj politiki rossijskoj Federacii na sovremennom etape razvitiya // Ustoichivoe razvitie: obshchestvo, ekologiya, ekonomika: materialy XV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii; v 4-h chastyah / pod redakciej A.V. Semenova, N.G. Malysheva. – Moskva: CHOUVO «MU im. S.Yu. Vitte», 2019. – Ch. 4.

¹¹ *Нужны налоги на богатых: это триллионы рублей / Сергей Глазьев: ЦБ и госбанки должны кредитовать экономику.* – URL: <https://www.gazeta.ru/business/2018/05/24/11762173.shtml?updated> (дата обращения: 20.01.2022).

УДК 347

РИСКИ СОЗДАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИЦИНЕ

Имамеева Регина Дамировна,

e-mail: regina-kyz@mail.ru,

*Учреждение высшего образования «Университет управления «ТИСБИ»,
Казань, Россия*

В рамках исследования определены восемь типов рисков функционирования искусственного интеллекта в медицине. Рассмотрены проблемы, возникающие при использовании нейросетей в медицинских системах, и предложены варианты решения при помощи правового регулирования. Цель статьи выявить проблемные вопросы, возникающие при применении искусственного интеллекта в медицине, и на их основе обобщить возникающие риски, а также представить возможные предложения по их минимизации с точки зрения юриспруденции. Формально правовой и юридические сравнительные методы применялись для выделения и систематизации проблемных вопросов при применении искусственного интеллекта в медицине, а также для обобщения исследования материала. Автором проведен анализ проблем правового регулирования применения технологий искусственного интеллекта и возможных рисков использования искусственного интеллекта в условиях новой цифровой среды. Рассмотрены различные взгляды на принципы формирования правового регулирования новых технологий в медицине, а также изучены универсальные стандарты для разработок программ искусственного интеллекта. Вышеобозначенные суждения и обобщения позволят комплексно систематизировать существующие современные риски применения искусственного интеллекта и разработать соответствующие мероприятия на микроуровне, а на макроуровне сформировать общий вектор развития формирования принципов и нормативных документов.

Ключевые слова: информационное право; теория права; искусственный интеллект; правовое регулирование; медицина; медицинское право; риски и угрозы

THE RISKS OF CREATION AND FUNCTIONING OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN MEDICINE

Imameeva R.D.,

e-mail: regina-kyz@mail.ru,

Higher Education Institution "The University of Management "TISBI", Kazan, Russia

Eight types of risks for the functioning of artificial intelligence in medicine were discovered in the study. The problems arising from the use of neural networks in medical systems are considered and solutions are proposed with the help of legal regulation. The aim of the paper is to identify problematic issues arising from the use of artificial intelligence in medicine, and to generalize the emerging risks on their basis, as well as to present possible proposals for their minimization from the point of view of jurisprudence. Formally, legal and judicial comparative methods were used to highlight and systematize problematic issues in the use of artificial intelligence in medicine, as well as to generalize the study of the material. The author analyzes the problems of legal regulation of the use of artificial intelligence technologies and the possible risks of using artificial intelligence in the new digital environment. Various views on the principles of the formation of legal regulation of new technologies in medicine are considered, and universal standards for the development of artificial intelligence programs are studied. The above judgments and generalizations will make it possible to comprehensively systematize the existing modern risks of using artificial intelligence and develop appropriate measures at the micro level, and at the macro level to form a general vector of development of the formation of principles and regulations.

Keywords: information law, legal theory, artificial intelligence, legal regulation, health care, medical law, risks and threats

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-33-40

Цифровизация здравоохранения – одна из важнейших задач для получения качественных и быстрых медицинских услуг населением. Такая цель обозначена в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года в РФ¹. Однако внедрение систем искусственного интеллекта (ИИ) в медицине проходит низкими темпами (например, в Москве за 2020 год только 40 компаний применяют ИИ в своей практике), поскольку велики риски в случае ошибочного применения. Отмечается низкий уровень инвестиционных вложений в развитие проектов применения ИИ в медицинской деятельности (в 2018 г. – 11,45 млн долл., 2020 г. – 2,2 млн долл.). Уменьшить риски можно за счет внедрения программ стандартизации разработок программ искусственного разума и моделей их применения. Кроме того, на теоретическом уровне недостаточно раскрыто содержание ИИ, классификация рисков его применения, что определило актуальность темы настоящего исследования.

Основной целью статьи является обозначить круг проблем и рисков, возникающих на их основе при внедрении технологий искусственного интеллекта в медицине.

При проведении анализа теоретических положений использованы научные публикации российских и зарубежных учёных. Для выделения проблематики и определения рисков при применении искусственного интеллекта в медицине использованы отчеты Министерства здравоохранения РФ, Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ. С помощью метода сравнения проводился анализ зарубежных и отечественных источников литературы, который позволил обобщить проблемы применения искусственного интеллекта в медицине.

В настоящее время по оценкам аналитиков мировой рынок искусственного интеллекта (ИИ) в медицине к 2025 году вырастет до 13 млрд долл. при значительном увеличении новых созданных компаний. Первые ТОП-5 занимают США (48%), Великобритания (7%), Израиль (6%), Канада (4%), Китай (3%) и другие. Мировым трендом в медицине становится общение с пациентом онлайн². Так, в учреждениях Китая функционируют полностью «облачные клиники», как, например, Ping An Good Doctor, где диагностика и мониторинг заболеваемости пациента происходит в онлайн формате.

Основными предпосылками применения искусственного интеллекта в медицине являются: большой показатель прироста старения населения земного шара, в том числе увеличение хронических заболеваний у категории населения старше 60 лет, неизменный рост расходов на здравоохранение, дефицит медицинского персонала³.

Основные проблемы и риски, которые могут возникнуть в медицинских организациях при внедрении искусственного интеллекта, машинного обучения сегодня стоят довольно остро. Исследование вопросов с юридической точки зрения представлены в трудах таких авторов, как В. Витко⁴, А.В. Гусева, С.Л. Добридюка, А.А. Карцхия [3, С. 45], П.М. Морхат, Е.А. Войниканис, Е.В. Семенова, Г.С. Тюляев, И.В. Понкин, Н.В. Антонова, С.Б. Бальхаева, Ж.А. Гаунова и других.

В научных кругах в целом выделяют следующие виды проблем при использовании искусственного интеллекта в медицине:

- проблемы определения ответственности за ненадлежащие действия системы искусственного интеллекта;
- проблемы лицензирования готового продукта;
- проблемы правовой регламентации систем искусственного интеллекта, осуществляющих трансграничную медицинскую деятельность⁵.

Обозначенные проблемы предлагается выделить в три группы проблематики с последующим раскрытием сути и возможных рисков применения ИИ в настоящем исследовании.

¹ Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации». – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/44731>

² McKinsey&Company, Transforming healthcare with AI. – 2020. – Март.

³ World Health Organization (WHO); Росстат; McKinsey&Company, Transforming healthcare with AI. Март, 2020; OECD, Health at a Glance 2019.

⁴ Витко, В. Анализ научных представлений об авторе и правах на результаты деятельности искусственного интеллекта // ИС. Авторское право и смежные права. – 2019. – № 2. – С. 5–20. – № 3. – С. 5–22.

⁵ Морхат, П.М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. – 2018. – № 6. – С. 65.

М. Гихо, Э. Мэтью и Н. Сузор отмечают, что правовые проблемы, которые сохраняются с роботизированными хирургическими системами, вероятно, попадут в юридический анализ систем искусственного интеллекта в медицине⁶. Согласимся с данным мнением, так как практика показывает, что внедрение робототехники вызывает конфликтные ситуации, связанные с возникновением безликой ответственности, отсутствие социально-эмоциональной составляющей как важной этической составляющей при взаимодействии пациента и врача, что невозможно при участии роботов.

Четвертое направление рисков: проблема распределения прав и обязанностей между людьми, так как поведение роботов может быть непредсказуемым заранее, или робот может повести себя не так, как этого ожидает человек в отношении надлежащего поведения в обществе. Кроме того, объекты ИИ могут быть компиляцией трудов различных людей и иметь в своей системе генеративные технологии, позволяющие внедрять инновации на нескольких уровнях.

Пятая проблема связана с замещением живых людей искусственным интеллектом, так называемый «эффект замещения». Другими словами, люди склонны относиться к роботам и агентам искусственного интеллекта как к животным специального назначения или людям специального назначения. Оба вышеперечисленных направления выделены Д. Балкиным как две основополагающие проблемы⁷.

Шестой проблематикой является дефицит компетенций медицинского персонала, при котором возможен риск неиспользования в полном объеме или неправильном использовании программ ИИ без соответствующего повышения уровня компетенции служащих больниц и врачей.

Седьмой проблемой обозначена сложность оплаты технологий ИИ через страховые взносы. Использование высоких технологий не умаляет важности экономической связи оказания услуг и внесения платы за нее. ИИ имеет сквозной характер и при интегрировании увеличивает стоимость продукта. Отдельно оплата невозможна, так как нет соответствующих кодов классификаторов оплаты.

Восьмая проблема очерчена нами широким символом – безопасность. Здесь можно говорить о рисках непредсказуемых диагнозов и рекомендаций по лечению.

Комиссия по гражданским правам в сфере робототехники Европейского Парламента указывает еще на одну проблему – важность человеческого контакта при медицинском уходе, так как замена человека роботами может привести к бесчеловечному уходу⁸.

Европейская комиссия предложила новую правовую основу для регулирования использования искусственного интеллекта в Европейском союзе. В связи с этим подходом риск классифицируется в зависимости от того, представляется ли он как неприемлемый, высокий или низкий для безопасности человека и основных прав⁹.

В 2020 году Европейская комиссия опубликовала белую книгу по искусственному интеллекту¹⁰, в которой изложены предложения по изменению законодательства, а также высказаны опасения, что в сферах с высокой степенью риска, таких как здравоохранение и транспорт, необходим четкий контроль ИИ со стороны государственной власти.

Двойные цели регулирования, а именно поддержание доверия и совершенства в технологиях искусственного интеллекта, были обобщены и предложены исполнительным вице-президентом Европейской комиссии по цифровому веку М. Вестагер. Подчеркивается, что для ЕС остается приоритетом разработка новых глобальных норм для обеспечения доверия применения искусственного интеллекта посредством внедрения стандартов, этических технологий в мировой практике здравоохранения.

⁶ *Allain, J.S.* From Jeopardy to Jaundice: B. Robotic Surgical Systems [Б. Роботизированные хирургические системы] // *Louisiana Law Review*. – 2012. – Vol. 73. – № 4. – P. 1055.

⁷ *Balkin, J.B.* The Path of Robotics Law [Путь развития правового регулирования роботов] // *California Law Review*. – 2015. – June. – Vol. 6. – P. 45–60. – P. 46.

⁸ Draft Report with recommendations to the Commission on Civil Law Rules on Robotics [Проект Отчёта с рекомендациями Комиссии по гражданско-правовому регулированию в сфере робототехники] (2015/2103(INL)), 31.05.2016 Committee on Legal Affairs / European Parliament; Rapporteur: Mady Delvaux. – URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=->

⁹ European Commission // Proposal for a regulation of the European Parliament and of the council. Brussels, 21.01.2021 COM(2021) 206 final 2021/0106(COD). Отчет Европейской комиссии. Предложение о регламенте Европейского Парламента и Совета, принимающих гармонизированные правила об искусственном интеллекте. 2021.

¹⁰ Белая книга по искусственному интеллекту – Европейский подход к совершенству и доверию. 2020. – URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/commission-white-paper-artificial-intelligence-feb2020_en.pdf (дата обращения: 12.08.2021).

Для каждого этапа цифровой трансформации медицины характерны свои проблемы. Рассматривая статистику развития искусственного интеллекта по данным опроса медицинских учреждений: 78% планируют внедрять ИИ решения, 93% выделяют системы ИИ как одно из важных направлений развития, 62% инвестируют более 1 млн долл. в эти решения в 2020 году¹¹.

Россия также нарабатывает базу для формирования регламентации разработок систем ИИ. В соответствии с утвержденной Росстандартом Программой национальной стандартизации на 2020 год¹² разработаны проекты шести стандартов по различным аспектам функционирования искусственного интеллекта в клинической медицине.

Специалистами Департамента здравоохранения Москвы в содружестве с подкомитетом «Искусственный интеллект в здравоохранении» (входит в Технический комитет №164 Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии) разработан проект первого национального стандарта ГОСТ Р, который будет регулировать проведение клинических испытаний медицинских систем искусственного интеллекта в России. Целью его создания является обеспечение методологической основы для процесса клинических испытаний (КИ), клинической и научной оценки системы искусственного интеллекта (СИИ)¹³.

Рассматриваемый стандарт устанавливает общие требования к проведению клинических испытаний и клинической оценки системы искусственного интеллекта для определения уровня безопасности и клинической значимости выходных данных системы искусственного интеллекта, общие принципы применения показателей оценки точности такой системы.

Кроме того, в настоящее время на законодательном уровне ведется разработка следующих основополагающих стандартов: «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 2. Программа и методика /технических испытаний»; «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 3. Применение менеджмента качества к дообучаемым программам. Протокол изменения алгоритма»; «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 4. Оценка и контроль эксплуатационных параметров»; «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 6. Общие требования к эксплуатации»; «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 7. Процессы жизненного цикла». Их применение в перспективе позволит исключить ошибки и возможные риски при применении систем ИИ в деятельности медицинских учреждений.

Выделим ряд факторов, препятствующих внедрению программ ИИ в работу медицинских корпораций.

Первая проблема – в данный момент при наличии программного решения, работающего и доказавшего свою эффективность, необходимо провести клинические испытания, как если бы речь шла об аппарате для диагностики или даже хирургического вмешательства. Данные решения выступают лишь подспорьем, предоставляя советы и консультации при назначении диагноза врачом. Другими словами, программы искусственного интеллекта выступают справочниками, которые идентифицировали заболевание, а постановка диагноза остается за врачом.

Разработчикам программ требуются значительные финансовые и временные затраты для создания нового продукта. Например, время получения регистрационного удостоверения может занимать годовой период. Длительные временные рамки регистрации продукта приводят к ограничению вовлеченности новых разработчиков в медицинской сфере.

Данная проблема может быть урегулирована стандартом, вынесенным на публичные обсуждения 20 января 2021 года, «Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Часть 5. Требования к структуре и порядку применения набора данных для обучения и тестирования алгоритмов».

¹¹ Обзор технологий. Эффект ИИ: Как искусственный интеллект делает здравоохранение более человечным. 2019. MIT Technology Review Insights. The AI effect: How artificial intelligence is making health care more human, 2019; AI in Healthcare 2020 Leadership Survey Report.

¹² Приказ Росстандарта от 01.11.2019 № 2612 (ред. от 19.10.2020) «Об утверждении Программы национальной стандартизации на 2020 год». – URL: <https://docs.cntd.ru/document/563675684> (дата обращения: 10.08.2021).

¹³ Проект ГОСТ Р Системы искусственного интеллекта в клинической медицине. Ч. 6. Общие требования и эксплуатации. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/572701737> (дата обращения: 12.08.2021).

Вторая проблема – получение разрешения на использование баз данных, которые необходимы для обучения искусственного интеллекта. «Нейросетям» для обучения и распознавания болезни нужно обработать большое количество различных данных, ну примерно, как детям – картинки с предметами, когда они учатся говорить и вообще обучаются понятиям. Чтобы научить «нейросеть» распознавать патологии в легких, ее необходимо обучить на большом количестве подобных снимков, а такими данными располагают больницы, работающие с большим количеством пациентов. Сложность возникает при обработке персонализированных данных, но вся суть в том, что для обучения, как и в учебнике, не нужно персонализированные снимки, здесь подойдут деперсонализированные данные.

Предвзятость в алгоритмах искусственного интеллекта определяется как феномен, который формируется из ошибочных предположений. Сложность в том, что сами предположения в системе необходимы для лучшей ее работы, в отличие от решения задачи по результатам выборки, произведенной случайным образом. Данный принцип получил название «теорема без бесплатного обеда», открытый в 1996 году Wolpert¹⁴. Большие данные, используемые для обучения системы, являются конечными и соответственно не отражают всей полноты реальности. Это непременно приводит к смещению, возникающему в результате отбора данных обучения и тестирования их.

Николас Петит делит подходы к правовому регулированию искусственного интеллекта на:

- формальный (формализованный) подход, по которому искусственный интеллект и робототехника урегулированы в какой-то мере действующим законодательством;
- технологический подход, суть которого заключается в выявлении проблем применения искусственного интеллекта и последующего решения о возможности регулирования этих проблем внедрением новых правовых норм¹⁵.

По мнению Н.В. Антоновой, С.Б. Бальхаевой традиционные режимы правового регулирования, как лицензирование, деликтная ответственность слишком бюрократизированы, чрезмерно жесткие и довольно сложны для имплементации в существующую систему права для регулирования такой динамичной отрасли как искусственный интеллект в сфере здравоохранения [1, С. 167]. Излишняя жесткость приводит к отказу медицинских учреждений внедрять новые технологии телемедицины, в отличие от саморегулирования, которое является добровольным и отражает интересы отрасли.

Медицина – сфера, где системы ИИ помогут сократить число врачебных ошибок и избавят врачей от рутинной работы обработки большого объема данных. Доказать, что медицинская технология заслуживает доверия, должен разработчик продукта. Для этого разработчику необходимо создать у себя систему менеджмента качества, пройти технические и клинические испытания, а после всего экспертизу.

Рассмотрим основные аспекты применения искусственного интеллекта в России и за рубежом. Виртуальные ассистенты разрабатываются в Лондоне, Пекине, Сеуле. Популярность медицинских информационных систем замечена в Лондоне, Сан-Франциско и Сеуле. Нью-Йорк, Сингапур и Сеул сфокусированы на анализе медицинских изображений. Популярным направлением является и предиктивная (предсказательная) аналитика в таких городах как Лондон и Нью-Йорк¹⁶. В России Москва выступает самым активным центром разработки стартапов ИИ и привлечения инвестиций по этим направлениям.

Телемедицинский сервис с виртуальным ассистентом Doc+ привлек 9 млн долл. (2018), а общая сумма инвестиций в проект составляет 19,5 млн долл.¹⁷

В Абу-Даби Департаментом здравоохранения реализованы интересные проекты, в частности разработано приложение My Health Coach, которое синхронизируется с фитнес-трекерами и предоставляет персонализированные рекомендации для ведения и поддержания здорового образа жизни пользователю.

Таким образом, разработчики алгоритмов искусственного интеллекта должны проявлять бдительность в отношении потенциальных опасностей, таких как:

- смещение набора данных;

¹⁴ URL: <https://www.machinelearningmastery.ru/understanding-and-reducing-bias-in-machine-learning-6565e23900ac/>

¹⁵ *Petit, N. Law and Regulation of Artificial Intelligence and Robots: Conceptual Framework and Normative Implications.* – URL: <https://ssrn.com/abstract=2931339>. – 2017. – 31 p. – P. 8–9.

¹⁶ Экспертная оценка IP Laboratory.

¹⁷ Источники: Crunchbase.

- случайная подгонка искажающих факторов;
- непреднамеренная дискриминационная предвзятость;
- проблемы обобщения для новых групп населения;
- непреднамеренные негативные последствия новых алгоритмов для показателей.

Смещение набора данных представляет собой общее определение систематической ошибки, которая состоит в том, что имеющиеся данные не являются репрезентативными для населения или феномена исследования. Смещение также обозначает:

- 1) данные не включают переменные, которые в действительности передают явление, которое мы хотим предсказать;
- 2) данные включают контент, созданный людьми, который может содержать предвзятость в отношении групп людей.

Подходя к разработке машинного обучения нужно держать на примете изречение Э. Гельмана: «Самый важный аспект статистического анализа – это не то, что вы делаете с данными, а то, какие данные вы используете». Статистические аналитики понимают важность исследовательского анализа данных (EDA), систематизированного Д. Тьюки¹⁸ десятилетия назад. Однако большинство учёных по ОД имеют различную родословную и, похоже, не понимают важности исследовательского анализа данных.

Основным источником этих отклонений являются данные, используемые для обучения моделей машинного обучения (ML). Дело в том, что почти все большие наборы данных, сгенерированные системами, основанными на моделях на основе ML / AI, как известно, являются предвзятыми. Тем не менее, большинство разработчиков моделей ML не знают об этих предубеждениях, и даже если они есть, они не знают, что с этим делать. В очень немногих работах по ML обсуждаются данные – детали того, какие данные использовались, как они генерировались и что было сделано с данными до моделирования. Amazon закрыла модель для оценки кандидатов на работу после выявления тенденции принижения женщин при отборе и выдаче предпочтения мужчинам¹⁹.

Источники вариации могут быть двух видов в зависимости от метода измерения: инструмент (средства измерения) и наблюдатель (лица, производящие измерения). Вариация возможна также по биологическим причинам:

- в пределах одного индивидуума – изменения в организме в зависимости от времени и внешних условий;
- между индивидуумами – биологические различия между индивидуумами.

Непреднамеренная дискриминационная предвзятость пересекается с риском смещения набора данных. Признанный исследователь рассматриваемого паттерна, философ М. Хильдебрандт, работающая в сфере юриспруденции, изучающая права и технологии, высказывает мнение о том, что машинного обучения без предвзятости быть не может и что продуктивный уклон необходим для алгоритма, позволяющего моделировать данные и делать соответствующие прогнозы²⁰.

Можно выделить три основных типа смещения, возникающие в процессе прогнозирования:

- предвзятость, присущая любой системе восприятия действий (продуктивная предвзятость);
- предвзятость, которую можно признать несправедливой;
- предвзятость, дискриминирующая по правовым нормам-запретам.

Увеличение производительности в машинном обучении происходит за счет минимизации издержек. Продуктивность смещения в систему происходит за счет поиска пространства и возможной минимизации функции стоимости. Дополнительно источники продуктивной предвзятости образуются при выборе цели, метода, адекватных данных обучения и вообще компромисса между такими составляющими как скорость, точность и переоснащение, где каждая единица образует стоимость. Предположение о том, что машинное обучение свободно от смещения, является ошибочным, поскольку феномен

¹⁸ Джон Тьюки. Исследовательский анализ данных // Pearson Modern Classics.

¹⁹ URL: <https://www.reuters.com/article/us-amazon-com-jobs-automation-insight/amazon-scraps-secret-ai-recruiting-tool-that-showed-bias-against-women-idUSKCN1MK08G>

²⁰ Хильдебрандт Мирей. Проблема предвзятости. Основные возможности ML (3 декабря 2019 г.). Марчелло Пелилло, Тереза Скандамбурло (ред.), Машинное обучение и общество: влияние, доверие, прозрачность, MIT Press 2020 в ближайшее время, доступно на SSRN. – URL: <https://ssrn.com/abstract=3497597> или <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3497597>

смещения выступает фундаментальным свойством систем индуктивного обучения. Препятствием для внедрения систем ИИ выступают отсутствующие данные, на которых обучается машинный интеллект.

Обобщив рассматриваемые проблемы и риски применения искусственного интеллекта, мы пришли к следующей систематизации (таблица 1).

Таблица 1 – Обобщение проблем и рисков применения искусственного интеллекта и возможные меры для их разрешения

№	Проблема	Риски	Меры
1	Проблема определения ответственности за ненадлежащие действия системы ИИ	<ul style="list-style-type: none"> • смещение набора данных; • случайная подгонка искажающих факторов; • непреднамеренная дискриминационная предвзятость 	Определить правосубъектность ИИ
2	Проблемы лицензирования	Разработчики несут высокие финансовые и временные затраты для внедрения нового продукта	Принятие регламентирующих стандартов. Разработка четкой процедуры получения лицензии
3	Проблемы правовой регламентации систем ИИ, осуществляющих трансграничную медицинскую деятельность	Излишняя жесткость приводит к отказу медицинских учреждений внедрять новые технологии телемедицины	Западные теоретики права предлагают регулирование не через нормы права, а через принципы высокого уровня
4	Проблема распределения прав и обязанностей между людьми при непредсказуемости поведения роботов относительно надлежащего поведения в обществе	Риск неготовности ментально населения и отсутствие законодательных разрешений конфликтов между роботами и людьми	Разработка стандартов применения искусственного интеллекта по каждой важной сфере человеческой деятельности
5	Этическая проблема, связанная с замещением живых людей роботами в сфере, например, ухода за пожилыми людьми	Важность человеческого медицинского ухода, т.к. замена человека роботами может привести к бесчеловечному уходу	Разработать кодекс этики
6	Дефицит компетенций	Риск неиспользования в полном объеме или неправильного использования программ ИИ без соответствующего повышения уровня компетенции медицинского персонала	Проводить обучение
7	Проблема оплаты технологий ИИ через страховые взносы	ИИ имеет сквозной характер и при интегрировании увеличивает стоимость продукта. Отдельно оплата невозможна, так как нет соответствующих кодов классификаторов оплаты	Разработка регламента четкой оплаты
8	Проблема безопасности	Риск непредсказуемых диагнозов и рекомендаций по лечению	Проведение мониторинга по возможным диагнозам и выявление общих ошибок и закономерностей

Из вышеобозначенных проблем мы можем сделать вывод, что цифровые программы и ИИ в здравоохранении все больше представляют медицинское оборудование и уходят из области вспомогательных ИТ-систем. Медицинские корпорации находятся под строгим контролем и связаны стандартами в противовес алгоритмам ИИ. Для дальнейшего внедрения систем ИИ необходимо поэтапно решать обозначенные проблемы, иначе нишу на этом популярном направлении могут занять иностранные компании со своими разработками.

Западные теоретики права предлагают концепцию правового регулирования, основанного на целях/принципах высокого уровня, которая противопоставляется всем известному правовому регулированию, основанному на правилах, активно внедряя ее в регулирование новых технологий робототехники и машинного обучения²¹. С такой точкой зрения сложно согласиться, так как существующая система правовой регламентации в России построена иным образом, и принципы выступают лишь как фундамент, на который наслаиваются сами правовые нормы.

²¹ Дворкин, Р. О правах всерьез / перевод с английского; редактор Л.Б. Макеева. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. Decker, C. Goals-based and rules based approaches to regulation // University of Oxford. BEIS Research Paper. – 2018. – № 8.

Таким образом, в работе представлено обобщение проблем и рисков при внедрении искусственного интеллекта в медицинских организациях и предложены возможные меры для их разрешения.

При всей обсуждаемости темы искусственного интеллекта актуальным является обеспечение его правовой регламентации. В настоящее время при создании подходов к внедрению и функционированию систем искусственного интеллекта, прежде всего, важно предусмотреть, выбрать пути решения, направления минимизации рисков, возникающих при внедрении этих систем.

Можно выделить несколько условий для ускорения внедрения систем искусственного интеллекта в медицине:

1. Разработка понятных и регламентированных процедур для сертификации. Например, включить профессиональное сообщество для принятия решения о регистрации того или иного продукта для ускорения процесса сертификации.

2. Внести алгоритмы с возможностью оплаты через полисы ОМС. Знание того, что программа будет внедрена и оплачена медицинским учреждением простимулирует увеличение предложений на этом рынке.

3. Создание общедоступных датасетов медицинских данных. Для обучения ИИ необходимы данные, сейчас доступ к ним затруднен, необходимо создать базу общедоступных данных и разрешить доступ к ней разработчикам.

Список литературы

1. Антонова Н.В., Бальхаева С.Б., Гаунова Ж.А. и др. Юридическая концепция роботизации: монография / ответственные редакторы Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. – Москва: Проспект, 2019. – С. 232.
2. Карцхия, А.А. Искусственный интеллект как средство управления в условиях глобальных рисков // Мониторинг правоприменения. – 2020. – №1 (34). DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1. – С. 53–58.
3. Морхат, П.М. К вопросу о специфике правового регулирования искусственного интеллекта и о некоторых правовых проблемах его применения в отдельных сферах // Закон и право. – 2018. – № 6. – С. 63–67.
4. Allain, J.S. From Jeopardy to Jaundice: B. Robotic Surgical Systems [Б. Роботизированные хирургические системы] // Louisiana Law Review. – 2012. – Vol. 73. – № 4. – P. 1055.
5. Balkin, J.B. The Path of Robotics Law [Путь развития правового регулирования роботов] // California Law Review. – 2015. – June. – Vol. 6. – P. 45–60.

References

1. Antonova N.V., Bal'haeva S.B., Gaunova Zh.A. i dr. Yuridicheskaya koncepciya robotizacii: monografiya / otvetstvennye redaktory Yu.A. Tihomirov, S.B. Nanba. – Moskva: Prospekt, 2019. – S. 232.
2. Karckhiya, A.A. Iskusstvennyj intellekt kak sredstvo upravleniya v usloviyah global'nyh riskov // Monitoring pravoprimereniya. – 2020. – №1 (34). DOI: 10.21681/2226-0692-2020-1. – S. 53–58.
3. Morhat, P.M. K voprosu o specifikе pravovogo regulirovaniya iskusstvennogo intellekta i o nekotoryh pravovyh problemah ego primeneniya v otdel'nyh sferah // Zakon i pravo. – 2018. – № 6. – S. 63–67.
4. Allain, J.S. From Jeopardy to Jaundice: B. Robotic Surgical Systems [B. Robotizirovannye hirurgicheskie sistemy] // Louisiana Law Review. – 2012. – Vol. 73. – № 4. – P. 1055.
5. Balkin, J.B. The Path of Robotics Law [Put' razvitiya pravovogo regulirovaniya robotov] // California Law Review. – 2015. – June. – Vol. 6. – P. 45–60.

УДК 343.2/7

РЕТРОСПЕКТИВНАЯ УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ: ПОДХОДЫ К ПОНИМАНИЮ

Епифанов Олег Станиславович,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: yepifanov62@yandex.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, Рязань, Россия

Целью работы является анализ различных подходов к пониманию ретроспективной уголовной ответственности в общей теории права и теории уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права. Актуальность темы определяется наличием большого количества точек зрения, мнений ученых о понятии, сущности и содержании ретроспективной уголовной ответственности, ее соотношении с охранительным уголовно-правовым отношением, а также потребностями практики ее реализации. При изучении подходов к пониманию ретроспективной уголовной ответственности использовались общенаучные и частнонаучные методы исследования: диалектический, формально-логический, системно-структурный. В статье на основе общей теории права и теории уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права исследуются различные подходы ученых к понятию, содержанию, сущности ретроспективной уголовной ответственности, ее взаимосвязи с охранительным уголовно-правовым отношением, а также высказывается авторская позиция по рассматриваемым вопросам.

Ключевые слова: ретроспективная; уголовная ответственность; наказание; охранительное уголовно-правовое отношение; лицо, совершившее преступление; обязанность

RETROSPECTIVE CRIMINAL LIABILITY: APPROACHES TO UNDERSTANDING

Yepifanov O.S.,

Candidate of Law, Associate Professor,

e-mail: yepifanov62@yandex.ru,

Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The aim of the work is to analyze different approaches to understanding retrospective criminal liability in the general theory of law and the theory of criminal, criminal procedure and criminal enforcement law. The relevance of the topic is determined by the presence of a large number of points of view, opinions of scholars on: the concept, essence and content of retrospective criminal liability, its relationship with the security criminal law relations, as well as the needs of the practice of its implementation. During the study of approaches to the understanding of retrospective criminal liability, general scientific and mid-level research methods were used: dialectical, formal-logical and systemic-structural. On the basis of the general theory of law and the theory of criminal, criminal procedure and criminal enforcement law, the paper explores various approaches of scholars to the concept, content, essence of retrospective criminal liability, its interconnection with the security criminal law relations, and also expresses the author's position on the issues under consideration.

Keywords: retrospective; criminal liability; penalty; security criminal-legal attitude; person having committed the offence, duty

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-41-47

В общей теории права, а также в теории уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного права сложилось достаточно много различных мнений, точек зрения, подходов на понятие, форму, содержание и пределы ретроспективной уголовной ответственности, наступающей для лица, после совершения преступления. Ее понятие в ретроспективном аспекте часто употребляет-

ся в действующем уголовном законодательстве, хотя определение в нем не дается. Научную дефиницию ретроспективной уголовной ответственности нельзя сформулировать без анализа существующих мнений, точек зрения ученых на эту проблему. Методологические подходы, теории и представления о ретроспективной уголовной ответственности можно разделить на несколько групп.

Первую группу составляют ученые, отождествляющие уголовную ответственность и наказание или считающие, что наказание и ответственность – различные стороны одного явления и представляющие единое целое. Так, А.Ф. Черданцев и С.Н. Кожевников считают, что уголовная ответственность и наказание – это термины, обозначающие одно и то же явление [1, С. 43–44]. Л.В. Багрий-Шахматов писал, что ответственность не имеет собственной формы выражения и всегда выступает в неразрывном единстве с наказанием [2, С. 79–80].

Другую группу представляют авторы утверждающие, что уголовная ответственность представляет собой определенного рода обязанность. Я.М. Брайнин определил уголовную ответственность как основную на нормах уголовного права обязанность лица, совершившего преступление подлежать действию уголовного закона¹. А.А. Пионтковский определял уголовную ответственность как обязанность отвечать за совершенное преступление, нести определенный имущественный и личный ущерб, указанный в санкции статьи². Н.С. Лейкина развила эту концепцию и указывала, что уголовная ответственность – это обязанность подвергнуться мере уголовно-правового воздействия, содержащая лишения, страдания, возложенные на лицо, совершившее преступление. Уголовная ответственность в своем развитии проходит несколько этапов: 1) стадию нереализованной ответственности (с момента преступления и до привлечения к уголовной ответственности); 2) привлечение к уголовной ответственности; 3) назначение наказания; 4) исполнение наказания³. С этим мнением согласилась группа ученых-криминалистов и представителей науки уголовного процесса^{4,5}.

Третью группу исследований составляют ученые, которые рассматривают уголовную ответственность в качестве конкретного охранительного уголовно-правового отношения, содержанием которого являются взаимные права и обязанности сторон. Реализация прав и обязанностей представляет процесс государственно-принудительного воздействия на лицо, совершившее преступление, и осуществляется в рамках уголовно-правовых отношений. Так, Н.И. Загородников определяет уголовную ответственность как уголовно-правовое отношение, возникшее в соответствии с нормами уголовного закона на заключительном этапе действия нормы [3, С. 42]. Близок к этой позиции А.В. Ушаков, считающий, что уголовная ответственность – это отчет лица о совершенном преступлении, его осуждение и наказание. Уголовная ответственность, по его мнению, это развивающееся уголовно-правовое отношение, которое начинается с момента начала судебного следствия и заканчивается постановлением и оглашением судебного приговора [4, С. 74, 78]. Вариантом этой концепции является мнение, что уголовная ответственность – необходимый компонент правоотношения: она возникает вместе с ним в момент совершения преступления, но является не его содержанием, а его объектом, тем по поводу чего правоотношение возникло⁶ [5, С. 56; 9, С. 62].

Четвертая группа ученых определяет уголовную ответственность, как всю совокупность уголовно-правовых, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых (в наст. время – уголовно-исполнительных – О.Е.) правоотношений, опосредующих и выражающих государственное принудительное воздействие на лицо, нарушившее закон. Н.А. Стручков полагал, что уголовной ответственностью следует считать всю совокупность воздействий на лиц, совершивших преступление, после того, как им будет предъявлено обвинение⁷. Н.А. Огурцов ответственность определяет как бремя принудительно-вос-

¹ Брайнин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 275 с. – С. 25.

² Курс советского уголовного права: в 6 томах / под редакцией А.А. Пионтковского, П.С. Ромашкина, В.М. Чхиквадзе. – Москва: Наука, 1970. – Т. 3. – 350 с. – С. 7.

³ Лейкина, Н.С. Личность преступника и уголовная ответственность. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. – 128 с. – С. 31–32.

⁴ Карпушин М.П., Курляндский В.И. Уголовная ответственность и состав преступления. – Москва: Юрид. лит., 1974. – 231 с. – С. 31.

⁵ Фаткуллин, Ф.Н. Обвинение и судебный приговор. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1965. – 532 с.

⁶ Божьев, В.П. Уголовно-процессуальные правоотношения. – Москва: Юрид. лит., 1975. – 176 с. – С. 117.

⁷ Стручков, Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1978. – 288 с. – С. 48.

питательных мер процессуального пресечения, наказания, публичного изобличения и осуждения, фактически возлагаемых на лицо, совершившее преступление⁸. В эту группу можно включить и О.Э. Лейста, развившего свои взгляды на уголовную ответственность – реализацию санкции правовой нормы. Так он рассматривает санкцию в широком смысле как нормативное определение мер государственного принуждения, применяемых в случае правонарушения и содержащих его итоговую оценку. По мнению автора, уголовная ответственность возникает в момент официального обвинения лица в совершении преступления и представляет собой деятельность государства по реализации мер принуждения и проходит ряд стадий: 1) привлечение к ответственности; 2) исследование обстоятельств дела; 3) вынесение решения по делу и вступление его в силу; 4) исполнение назначенного наказания; 5) судимость⁹.

Пятую группу составляют ученые, определяющие уголовную ответственность как осуждение, порицание виновного судом от имени государства за совершенное преступление с назначением наказания или без него. И.С. Ной делал вывод, что понятие уголовной ответственности составляют осуждение, порицание виновного, отрицательная морально-политическая оценка¹⁰. В.С. Прохоров, Н.М. Кропачев, А.Н. Тарбагаев утверждают, что уголовная ответственность – результат основанного на уголовном законе порицания (отрицательной оценки) совершенного общественно опасного деяния и лица, его совершившего, со стороны государства, выраженного в обвинительном приговоре суда¹¹. К этой позиции примыкает Б.Т. Разгильдиев, который утверждает, что уголовная ответственность входит в содержание уголовно-правового отношения как одна из обязанностей и возлагается на лицо, нарушившее обязанность по воздержанию от совершения преступления, судом посредством обвинительного приговора¹².

Признавая определенные достоинства каждого из подходов, мы в целом поддерживаем мнение четвертой группы ученых (Н.А. Стручкова, Н.А. Огурцова, О.Э. Лейста), что уголовная ответственность – это вся совокупность уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений, выражающих процесс государственно-принудительного воздействия на лицо, нарушившее уголовный закон. Уголовная ответственность возникает с момента реального применения к лицу мер государственного принуждения в виде различного рода правоограничений личного, имущественного и организационного порядка. Этим моментом, по нашему мнению, является применение к лицу мер процессуального принуждения, связанных с правовыми ограничениями личного или имущественного порядка (глава 13 УПК РФ). В отдельных случаях при задержании подозреваемого в совершении преступления в порядке главы 12 УПК РФ эти правовые ограничения начинают действовать именно с этого момента.

Однако необходимо уяснить, что представляет собой ретроспективная уголовная ответственность, то есть дать ее определение и рассмотреть содержание, ее соотношение с охранительным уголовно-правовым отношением.

С.С. Алексеев и другие авторы полагают, что в результате правонарушения возникает охранительное отношение, которое не следует отождествлять с юридической ответственностью^{13,14}. По его мнению, отличительной чертой юридической ответственности является претерпевание санкций, имеющих преимущественно штрафной характер. При юридической ответственности правонарушитель обязан претерпеть известные лишения личного, имущественного и организационного порядка, которые имеют для него значение обременения¹⁵.

Так Н.А. Стручков указывает, что «с точки зрения содержания уголовная ответственность – это реализация определенных общественных отношений, которые регулируются правовыми нормами трех

⁸ Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве: учебное пособие. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1976. – 206 с. – С. 117.

⁹ Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 239 с. – С. 7, 130–131, 136.

¹⁰ Ной, И.С. Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. – Саратов: Изд. Сарат. ун-та, 1962. – 156 с. – С. 119–120.

¹¹ Механизм уголовно-правового регулирования. Норма, правоотношение, ответственность / Н.М. Кропачев, В.С. Прохоров, А.Н. Тарбагаев; научный редактор: Беляев Н.А. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1989. – 208 с. – С. 167.

¹² Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права / под редакцией Н.И. Матузова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1995. – 320 с. – С. 316.

¹³ Общая теория социалистического права: нормы права и правоотношения. Курс лекций: учебное пособие. Вып. 2 / Алексеев С.С.; ред.: Петрищева Г.И. – Свердловск: Сред.-Урал. кн. изд-во, 1964. – 226 с. – С. 49, 58, 169.

¹⁴ Самоценко Л.С., Фарукишин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. – Москва: Юрид. лит., 1971. – 240 с. – С. 66.

¹⁵ Общая теория права. Курс в 2-х томах. Т. 1 / Алексеев С.С. – Москва: Юрид. лит., 1981. – 360 с. – С. 277.

отраслей права: уголовного, уголовно-процессуального и исправительно-трудового (в наст. время – уголовно-исполнительного – О.Е.), иначе говоря, уголовную ответственность образует реализация уголовных, уголовно-процессуальных и исправительно-трудовых (в наст. время – уголовно-исполнительных – О.Е.) правоотношений»¹⁶.

Это мнение поддержано как в общей теории права, так и в теории уголовного права. Так О.Э. Лейст определяет, что уголовная ответственность на первоначальной стадии ее развития осуществляется на основе уголовного закона через уголовно-процессуальное отношение, тщательно урегулированное законом, определяющим основания и порядок привлечения к ответственности, права и обязанности участников процесса, гарантии этих прав и установления истины по делу, детально регламентирующим движение процесса до определения виновному в совершении преступления конкретной меры наказания (либо до освобождения от наказания или ответственности). В рамках исправительно-трудовых (в наст. время – уголовно-исполнительных – О.Е.) правоотношений осуществляется и дальнейшее течение уголовной ответственности (исполнение наказания, приговора). Можно возразить, что при таком подходе уголовная ответственность смешивается с процессуальной формой ее осуществления. Однако такого смешения не произойдет, если исходить из общепризнанного взгляда на уголовный процесс как форму жизни уголовного закона, имеющего свои необходимые, присущие ему процессуальные формы¹⁷.

Такой подход находит поддержку и в современной теории права. Так, С.А. Кондратьева пишет, что на определенном этапе развития юридической ответственности проявляется ее процессуальный аспект – движение, правоотношения ответственности облекаются в процессуальную форму. Процессуальные отношения, являясь формой материальных отношений юридической ответственности, в то же время служат законными средствами их развития, конкретизации и реализации. Иными словами благодаря процессуальным действиям материальное правоотношение юридической ответственности движется [6, С. 23].

Связь уголовных, уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных отношений в реализации уголовной ответственности видят и представители современной теории уголовного права. Так, А.Н. Игнатов и Ю.А. Красиков указывают, что уголовная ответственность возникает на основе уголовно-правового отношения (привлечение в качестве обвиняемого, применение мер пресечения, предание суду и осуждение судом), а при назначении наказания – в форме уголовно-исполнительных отношений (отбывание наказания)¹⁸. Авторы учебника по общей части уголовного права под редакцией Л.Я. Козаченко и З.А. Незнамова утверждают, что уголовная ответственность реализуется в четырех стадиях: первая – привлечение к ответственности; вторая – назначение наказания; третья – исполнение наказания; четвертая – судимость. На первой стадии уголовная ответственность реализуется: а) в форме ограничений уголовно-процессуального характера, применяемых к лицу, совершившему преступление (например, меры пресечения); б) в форме безусловного освобождения от уголовной ответственности (истечение сроков давности и др.). На второй стадии она реализуется в трех формах: а) безусловного освобождения от уголовного наказания (истечение сроков давности исполнения обвинительного приговора и др.); б) условного освобождения; в) реально назначенного наказания. На третьей стадии: а) в форме ограничений, обусловленных спецификой уголовно-исполнительных правоотношений; б) в форме замены одного вида наказания другим, более мягким или более тяжким. На четвертой стадии – в форме многообразных ограничений, предусмотренных различными отраслями права (например, запрет на занятие определенных должностей)¹⁹.

Мы также считаем, что в рамках уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительных правоотношений осуществляется, реализуется, протекает уголовная ответственность. Процессуальные действия, исполнение наказания есть форма существования уголовных правоотношений и уголовной от-

¹⁶ Стручков, Н.А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. – 288 с. – С. 50.

¹⁷ Лейст, О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). – Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1981. – 239 с. – С. 195–196.

¹⁸ Уголовное право России: учебник для вузов. В 2-х томах. Т. 1. Общая часть / ответственные редакторы А.Н. Игнатов, Ю.А. Красиков. – Москва: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2000. – 639 с. – С. 76.

¹⁹ Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / ответственные редакторы И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова. – Москва: Издательство НОРМА (Издательская группа НОРМА–ИНФРА-М), 2000. – 516 с. – С. 71.

ветственности. Причем регулируется уголовная ответственность тремя отраслями права (уголовным, уголовно-процессуальным и уголовно-исполнительным).

Рассматривая вопрос о сущности ретроспективной уголовной ответственности, также следует указать на различные подходы к ее пониманию.

Так Б.В. Волженкин полагает, что уголовная ответственность – это предусмотренная законом обязанность виновного лица отвечать в случае совершения преступления в уголовном порядке, подчиняться мере принуждения, которую государство имеет право применить [7, С. 96]. Я.М. Браинин²⁰ и В.И. Курляндский также пишут об обязанности виновного отвечать, отчитаться в содеянном перед следственными и судебными органами²¹. Взгляд на уголовную ответственность как на уголовное правоотношение, т.е. фактическое отождествление уголовной ответственности и уголовного правоотношения и обязанность преступника претерпевать лишения личного и имущественного характера поддержали в своих работах Н.И. Загородников, А.Е. Наташев, В.С. Прохоров, Н.И. Стручков, А.Н. Тарбагаев и др.^{22,23} [8, С. 85; 3, С. 39].

Н.А. Огурцов считал, что уголовная ответственность – это бремя принудительно-воспитательных мер (мер процессуального пресечения, наказания, публичного изобличения и определения, иного правоограничения), фактически возлагаемое в соответствии с действующим законодательством следственными, прокурорскими, судебными и исполняющими наказание органами на лицо, совершившее преступление, выступающее для последнего в качестве неблагоприятного последствие за совершенное им преступление, выражающее отрицательную морально-политическую оценку преступления и личности преступника со стороны государства и общества²⁴. Б.Т. Разгильдиев считает, что принудительная уголовная ответственность – это состояние, основанное на признании от имени государства Российской Федерации в форме обвинительного приговора преступником лица, виновно совершившего преступление, предусмотренное уголовным законом, связанное с ограничением его прав и свобод. Принудительная уголовная ответственность входит в содержание уголовно-правового отношения как одна из обязанностей²⁵.

Мы согласны с определением уголовной ответственности, как обязанности претерпевания преступником лишений личных или имущественных прав и свобод в связи с совершенным преступлением. Однако, по нашему мнению, здесь необходимо сделать некоторые уточнения. Обязанность претерпевания связана с ограничением свободы поведения, деятельности, поступков. С субъективной стороны внутреннее, нравственное претерпевание правоограничений, налагаемых государством на лицо, совершившее преступление, является для него не обязанностью, а правом [10, С. 107]. Юридической обязанности претерпевать, переживать само наказание не содержит, потому что при отсутствии такого претерпевания наказание и как правовую категорию и как юридическое явление пришлось бы признать фиктивным и ничтожным. Относиться к наказанию как справедливому или напротив несправедливому принуждению – это не юридическая обязанность осужденного, а его моральное право [10, С. 107].

Несмотря на то, что уголовная ответственность и наказание направлены на причинение нравственных страданий лицу, совершившему преступление (или привлекаемому к уголовной ответственности) внутренние переживания, сострадания, нравственные мучения – это вовсе не обязанность. Лицо, совершившее преступление может их и не испытывать, что, например, имеет место у многих лиц неоднократно отбывавших наказание, осужденных при опасном или особо опасном рецидиве и т.п.

Уголовная ответственность и наказание направлены на причинение подобных страданий, однако заставить, принудить их испытывать, нести преступником государство и его правоохранительные орга-

²⁰ Браинин, Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве. – Москва: Юрид. лит., 1963. – 275 с. – С. 11–12.

²¹ Курляндский, В.И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. – Москва: Юрид. лит., 1965. – 142 с. – С. 19–20, 33.

²² Наташев А.Е., Стручков Н.И. Основы теории исправительно-трудового права. – Москва: Юрид. лит., 1967. – 190 с. – С. 10.

²³ Понятие и цели уголовной ответственности / А.Н. Тарбагаев; научный редактор: Беляев Н.А. – Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. – 120 с. – С. 71.

²⁴ Огурцов, Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве: учебное пособие. – Рязань: РВШ МВД СССР, 1976. – 206 с. – С. 117.

²⁵ Разгильдиев, Б.Т. Уголовно-правовые отношения и реализация ими задач уголовного права / под редакцией Н.И. Магузова. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1995. – 320 с. – С. 316.

ны не могут. И в этой связи задача суда назначить такое наказание, которое бы действительно вызвало нравственные страдания и переживания лица по поводу совершения им преступления.

Таким образом, обязанность претерпевания связана с ограничением прав и свобод только лишь в поведении, действиях лица, совершившего преступление. Нравственные страдания, переживания лица в связи с привлечением к уголовной ответственности и наказанием не являются для него обязанностью, преступник может их и не испытывать, и таким образом, по нашему убеждению, они не входят в содержание уголовной ответственности.

В содержание уголовной ответственности и наказания, по нашему мнению, следует также отнести и те обязанности (включая запреты), которые лицо несет в уголовно-правовом отношении, так как их реализация (исполнение и соблюдение) связана с государственно-принудительным воздействием, возможностью применения санкций за их неисполнение и несоблюдение. Права и законные интересы не входят в содержание уголовной ответственности, потому что их реализация не связана с мерами государственного принуждения.

Таким образом, на наш взгляд, нельзя полностью отождествлять уголовную ответственность и охранительное уголовное правоотношение, ставить между ними знак равенства. Уголовную ответственность составляют обязанность подвергнуться в своем поведении ограничениям личных и (или) имущественных прав и свобод, а также реализация дополнительных обязанностей и запретов, налагаемых на преступника в уголовном правоотношении.

В охранительное уголовно-правовое отношение, кроме обязанностей, входят также права и законные интересы, обладание которыми, хотя и происходит в специфических условиях и присуще только в связи с привлечением к уголовной ответственности, осуждением и отбыванием наказания, реализуются без возможности государственного принуждения, которое является одним из главных признаков ответственности вообще и ретроспективной уголовной ответственности в частности. Поэтому права, свободы и законные интересы, специально предусмотренные для лиц, совершивших преступление, по нашему мнению, не входят в содержание ретроспективной уголовной ответственности.

Список литературы

1. *Черданцев А.Ф., Кожевников С.Н.* О понятии и содержании юридической ответственности // Правоведение. – 1976. – № 5.
2. *Багрий-Шахматов, Л.В.* Уголовная ответственность и наказание // Труды Высш. школы МВД СССР. – 1969. – № 24.
3. *Загородников, Н.И.* О пределах уголовной ответственности // Сов. гос-во и право. – 1967. – № 7.
4. *Ушаков, А.В.* Уголовная ответственность и ее пределы // Уголовно-правовые и процессуальные гарантии защиты конституционных прав граждан. – Калинин, 1982.
5. *Лукашевич, В.З.* Привлечение к уголовной ответственности в советском уголовном процессе // Вестник Ленингр. ун-та. – 1980. – № 23.
6. *Кондратьева, С.А.* Юридическая ответственность: соотношение норм материального и процессуального права: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Москва: Моск. юрид. ин-т МВД РФ, 1998. – 27 с.
7. *Волженкин, Б.В.* Общественная опасность преступника и основания уголовной ответственности // Правоведение. – 1963. – № 3.
8. *Загородников, Н.И.* О содержании уголовно-правовых отношений // Сов. гос-во и право. – 1963. – № 11.
9. *Мотовиловкер, Я.О.* Уголовно-процессуальная ответственность обвиняемого и уголовно-материальная ответственность виновного // Правоведение. – 1977. – № 1.
10. *Сыч, К.А.* Уголовное наказание как система: монография. – Рязань: Ин-т права и экономики МВД РФ, 1995. – 117 с.

References

1. *Cherdancev A.F., Kozhevnikov S.N.* O ponyatii i sodержanii yuridicheskoy otvetstvennosti // Pravovedenie. – 1976. – № 5.
2. *Bagrij-SHahmatov, L.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' i nakazanie // Trudy Vyssh. shkoly MVD SSSR. – 1969. – № 24.

3. *Zagorodnikov, N.I.* O predelah ugovnoy otvetstvennosti // Sov. gos-vo i pravo. – 1967. – № 7.
4. *Ushakov, A.V.* Ugolovnaya otvetstvennost' i ee predely // Ugolovno-pravovye i processual'nye garantii zashchity konstitucionnyh prav grazhdan. – Kalinin, 1982.
5. *Lukashevich, V.Z.* Privlechenie k ugovnoy otvetstvennosti v sovetskom ugovnom processe // Vestnik Leningr. un-ta. – 1980. – № 23.
6. *Kondrat'eva, S.A.* Yuridicheskaya otvetstvennost': sootnoshenie norm material'nogo i processual'nogo prava. Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – Moskva: Mosk. jurid. in-t MVD RF, 1998. – 27 s.
7. *Volzhenkin, B.V.* Obshchestvennaya opasnost' prestupnika i osnovaniya ugovnoy otvetstvennosti // Pravovedenie. – 1963. – № 3.
8. *Zagorodnikov, N.I.* O sodержanii ugovno-pravovyh otnoshenij // Sov. gos-vo i pravo. – 1963. – № 11.
9. *Motovilovker, YA.O.* Ugolovno-processual'naya otvetstvennost' obvinyaemogo i ugovno-material'naya otvetstvennost' vinovnogo // Pravovedenie. – 1977. – № 1.
10. *Sych, K.A.* Ugolovnoe nakazanie kak sistema: monografiya. – Ryazan': In-t prava i ekonomiki MVD RF, 1995. – 117 s.

УДК 343.622

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ УБИЙСТВА МАТЕРЬЮ НОВОРОЖДЕННОГО РЕБЁНКА

Матье Никита Анатольевич,
студент,

e-mail: matye1988@mail.ru,

Московский университет имени С.Ю. Витте, Москва, Россия

В статье рассматриваются проблемы квалификации убийства матерью новорожденного ребенка. Выявляются неточности, которые встречаются в соответствующей статье УК РФ. Предлагаются пути совершенствования уголовного законодательства для лучшей квалификации данного вида преступления.

Ключевые слова: преступление; убийство; новорожденный ребенок; психотравмирующая ситуация; состояние психического расстройства; вменяемость; квалификация; квалифицирующие действия; умысел

THE PROBLEM OF QUALIFICATION OF MURDER OF A NEWBORN CHILD BY THE MOTHER

Mat'e N.A.,
student,

e-mail: matye1988@mail.ru,

Moscow Witte University, Moscow, Russia

The paper discusses the problems of qualifying the murder of a newborn child by mother. The inaccuracies that occur in corresponding article of the Criminal Code of the Russian Federation are identified. The ways of improvement of criminal law for the better qualification of this type of offence are suggested.

Keywords: offence, murder, newborn child, psychotraumatic situation, state of mental disorder, sanity, qualification, qualifying actions, intent

DOI 10.21777/2587-9472-2021-1-48-51

В числе опасных посягательств на жизнь выделяется убийство матерью новорожденного ребенка. В Российской Федерации данное деяние является относительно распространенным. Вопросы, связанные с ответственностью за совершение указанного посягательства, являются предметом повышенного внимания исследователей и всего общества в силу личности потерпевшего, обстоятельств совершения и субъекта преступления [1, С. 11–16.].

Государство в равной мере защищает жизнь каждого человека, вне зависимости от должности, социального статуса, половой принадлежности и прочих факторов. При этом за лишение матерью жизни новорожденного ребенка в статье 106 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена особая ответственность.

По мнению значительного числа исследователей, существует потребность в изменении формулировки соответствующего состава. Отмечается, что практика расследования и квалификации деяний по указанной статье сопряжена с рядом проблем. Указанные обстоятельства обуславливают актуальность анализа проблем, связанных с квалификацией убийства матерью новорожденного ребенка.

Состав анализируемого посягательства определен в уголовном законе в виде убийства матерью новорожденного ребенка при наличии несопряженного с отсутствием вменяемости расстройства психики или ситуации психотравмирующего характера, либо в процессе родов или после их совершения¹.

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 30.12.2020) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 174.

Анализ нормативного определения соответствующего состава предполагает необходимость выявления возрастных границ новорожденности. Еще одно используемое в статье понятие «психотравмирующая ситуация» также требует выяснения его сущности.

Следует отметить отсутствие единых представлений в отношении возрастных границ новорожденности, в том числе в практике следствия и разбирательства дел в суде. Существуют различные подходы в отношении указанных временных границ, а также момента, с которого следует отсчитывать период новорожденности, и понимания сущности самой категории «новорожденный».

Момент начала жизни не идентичен моменту, с которого начинается уголовно-правовая охрана жизни. Существуют расхождения в медицинской и правовой трактовке момента начала человеческой жизни. Момент начала жизни в медицинском понимании – момент, когда из утробы матери появляется та или иная часть тела ребенка.

Охрана человеческой жизни средствами уголовного права начинается с момента, когда человек приобретает статус субъекта, обладающего правом на жизнь. С этого момента возникает необходимость обеспечения защиты данного права средствами уголовного закона. Умерщвление плода рассматривается, согласно действующему УК РФ, в качестве прерывания беременности посредством воздействия на организм женщины. Квалификация данного деяния по статье 106 УК РФ не производится. В то же время в качестве жизнеспособного по медицинским критериям рассматривается плод в период с двадцать восьмой по тридцать восьмую недели беременности. В этой связи существует необходимость соотнесения момента начала охраны жизни средствами уголовного закона с момента приобретения плодом жизнеспособности, т.е. способности к жизни вне утробы матери, т.е., соответственно, с двадцать восьмой недели беременности.

Ребенок считается новорожденным с момента рождения и до времени, когда он приспособится к условиям внешней жизни, чаще всего этот период расценивается до месяца. Однако четких сроков нет и их необходимо установить в данной статье, так как психологический и гормональный всплеск в организме роженицы случается в первые 5–7 дней после родов, а в данном случае получается, что охватывает целый месяц. Это неверно, и вполне возможно, что женщина в течение месяца вполне осознанно убила своего ребенка. И квалифицировать действия по данной статье не будет правильным. Поэтому для четкой квалификации по ст. 106 УК РФ необходимы сроки определения новорожденности [2, С. 215–217].

Применительно к указанному в анализируемой статье убийству во время или сразу после родов следует отметить, что законодатель указывает в данном случае на лишение ребенка жизни в период, когда из материнской утробы появляется та или иная часть тела ребенка, и до того, как завершится ранний период после родов. Длительность данного раннего периода ограничивается 2–4 часами с момента родов. Момент появления плаценты есть момент, когда роды рассматриваются в качестве завершённых. В науке существует дискуссия по данному вопросу. По мнению Э.Ф. Побегайло, указанный законодателем период ограничивается сутками с момента родов².

По мнению С.В. Бородин, завершением данного периода является отделение ребенка от тела матери и первый совершаемый самостоятельно вздох или же первое кормление новорожденного матерью³. Медицинская оценка продолжительности данного периода – сутки с момента, когда ребенок появляется из утробы матери.

На протяжении периода, указанного законодателем в статье 106 УК РФ, исходя из дословного толкования соответствующей нормы для квалификации деяния, состояние психики матери не является значимым.

Соответственно, если мать умышленно лишает ребенка жизни в указанный период, содеянное следует в любом случае квалифицировать по указанной статье. Подобный подход видится обоснованным, в связи с тем, что умысел на лишение жизни ребенка мог сформироваться задолго до его рождения.

Психотравмирующая ситуация предполагает, что данное убийство случается при особых обстоятельствах в жизни женщины, которые существенно изменяют ее психоэмоциональное состояние. Пси-

² Побегайло, Э.Ф. (ред.). Российское уголовное право. В 2 т. Т. 2. Особенная часть. – Москва: Илекса, 2018. – 751 с. – С. 239.

³ Бородин, С.В. Преступления против жизни. – Москва, 2017. – 356 с.

хотравмирующая ситуация — это состояние оценочное. Отталкиваясь от смысла статьи 106 УК РФ, можно сказать, что применять данную норму можно, если:

а) мать должна воспринимать ситуацию в качестве характеризующейся значительной тяжестью. Речь идет о наличии напряженной в эмоциональном отношении ситуации, что ведет к ограничению возможности к разумной оценке ситуации и собственного поведения;

б) существует ситуация, которая непосредственно относится к беременности и рождению ребенка. Примером может являться связанный с рождением ребенка развод, обусловленная изнасилованием беременность. Появление подобной ситуации возможно не только до рождения ребенка, но и после рождения ребенка. Определяющее значение имеет наличие соответствующей ситуации на момент, когда совершается убийство [3, С. 132–136].

Первый критерий определяется правоприменителем самостоятельно, а вот второй возможно установить уже только с помощью психолого-психиатрической экспертизы. Адекватная оценка конкретной ситуации может быть возможна лишь при установлении обоих критериев. В целом, психотравмирующая ситуация в аспекте детоубийства не может быть в состоянии аффекта, так как потерпевший в данном случае не может вести себя неправомерно, потому что это беспомощный ребенок.

Следует отметить обязательность назначения комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы (СППЭ) в каждом случае совершения анализируемого посягательства. Обязательность назначения СППЭ обуславливается следующим – какая-либо ситуация может рассматриваться в качестве психотравмирующей лишь непосредственно матерью. Наряду с присущими особенностями личности матери, совершившей убийство ребенка, требуется анализировать мотивы, которыми она руководствовалась при совершении деяния. Данные мотивы могут быть связаны с наличием страха перед собственными родителями, стыда перед обществом в связи с рождением ребенка в отсутствии брачных отношений, подстрекательством со стороны отца ребенка, низким материальным статусом, отсутствием жилья, наличием опасений в отношении связанных с воспитанием ребенка затруднений и т.д.

Результаты СППЭ необходимы для верного определения степени опасности субъекта преступления, а также меры наказания, которая будет являться справедливой.

Для того чтобы правильно квалифицировать соответствующее посягательство, требуется в обязательном порядке выявлять момент, когда у субъекта преступления возник умысел на совершение деяния. В случае если между моментом возникновения умысла и родами прошел значительный период, содеянное будет являться умышленным лишением жизни.

Следует отметить, что действующая редакция статьи 106 УК РФ не предполагает дифференциацию ответственности в случае, если умысел возник задолго до совершения посягательства, деяние было детально продумано и тщательно подготовлено, и в случае, если ребенок был лишен жизни в состоянии расстройства психики, не сопряженного с отсутствием вменяемости.

Таким образом, статья 106 УК РФ вызывает много проблем в процессе квалификации. Так как не уточнены многие аспекты, например, сколько времени ребенок считается новорожденным. Также непонятна временная характеристика «сразу после родов».

Вызывает сложности и понятие «психотравмирующая ситуация», а также то, как четко определить действие психотравмирующей ситуации или наличие изначального умысла на убийство [4, С. 254–257].

Предлагается определить точное время так, как оно определяется в европейских странах, а именно: «убийство во время родов или же сразу после них, то есть в течение 24 часов». Также необходимо закрепить точный срок новорожденности ребенка.

В процессе расследования дел данной категории важным моментом выступает определение времени, когда сформировался умысел на совершение посягательства. Квалификация содеянного возможна по статье 106 УК РФ лишь в случае внезапного возникновения умысла.

Из-за того, что в статье 106 УК РФ квалифицирующие признаки отсутствуют, но общественная опасность при лишении жизни близнецов возрастает, видится необходимым предусмотреть в данной статье вторую часть, в которой установить более строгую ответственность за лишение жизни более одного новорожденного.

Также в статью 106 УК РФ следует внести привилегированный состав преступления, который будет определяться как «причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью новорожденного ребенка» [5, С. 259–262].

Таким образом, несовершенство статьи 106 УК РФ создает много сложностей в процессе квалификации, тогда как данное преступление требует особого внимания и особой важности. Так как убийство матерью новорожденного ребенка выступает опасным проявлением против жизни личности. И все смягчающие обстоятельства должны быть подлинными и четко установленными, иначе рост данных преступлений будет продолжаться из года в год.

Список литературы

1. *Асатрян, Д.А.* К вопросу по теме квалификации убийства матерью новорожденного ребенка // Гуманитарные научные исследования. – 2017. – № 7.
2. *Гербекова, К.А.* Особенности квалификации убийства матерью новорожденного ребенка / К.А. Гербекова // Молодой ученый. – 2018. – № 18.
3. *Кротких, С.А.* Проблемы толкования и применения нормы об убийстве матерью новорожденного ребенка / С.А. Кротких // Актуальные вопросы юридических наук: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, апрель 2017 г.). – Чита: Молодой ученый, 2017.
4. *Топчиева, О.Д.* Значение эмоциональных состояний субъекта в его поведении / О.Д. Топчиева // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016.
5. *Эпова, Д.Д.* К вопросу об определении момента начала уголовно-правовой охраны жизни человека / Д.Д. Эпова // Юридические науки: проблемы и перспективы: материалы IV Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2016 г.). – Казань: Бук, 2016.

References

1. *Asatryan, D.A.* K voprosu po teme kvalifikacii ubijstva mater'yu novorozhdenного rebenka // Gumanitarnye nauchnye issledovaniya. – 2017. – № 7.
2. *Gerbekova, K.A.* Osobennosti kvalifikacii ubijstva mater'yu novorozhdenного rebenka / K.A. Gerbekova // Molodoj uchenyj. – 2018. – № 18.
3. *Krotkih, S.A.* Problemy tolkovaniya i primeneniya normy ob ubijstve mater'yu novorozhdenного rebenka / S.A. Krotkih // Aktual'nye voprosy yuridicheskikh nauk: materialy III Mezhdunar. nauch. konf. (g. Chita, aprel' 2017 g.). – Chita: Molodoj uchenyj, 2017.
4. *Topchieva, O.D.* Znachenie emocional'nyh sostoyanij sub»ekta v ego povedenii / O.D. Topchieva // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2016 g.). – Kazan': Buk, 2016.
5. *Epova, D.D.* K voprosu ob opredelenii momenta nachala ugovovno-pravovoj ohrany zhizni cheloveka / D.D. Epova // Yuridicheskie nauki: problemy i perspektivy: materialy IV Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', maj 2016 g.). – Kazan': Buk, 2016.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 1 (27)' 2021

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Альтенгоф А.А.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Электронное издание.

Подписано в тираж 24.03.2022.

Печ. л. 6,5. Усл.-печ. л. 6,04. Уч.-изд. л. 4,46.

Объем 1,14 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 21-0013.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.